

INSPIRIA

МЕГАН БРЭНДИ

БУДЬ
моей
БРЕЙШО

нецензурную
18+
содержит

INSPIRIA

Меган Брэнди
Будь моей Брейшо
Серия «Pink Room. Элитные
парни Меган Брэнди», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68935500

Будь моей Брейшо: Эксмо; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-184344-1

Аннотация

Бестселлер Amazon!

«Будь моей Брейшо» – четвертая книга в серии о братьях Брейшо. История Мэддока и Рэйвен закончена, но приключения братьев продолжают! Героями новой части станут Кэптен и Виктория, которым придется проделать долгий путь навстречу друг другу.

«НЕВОЗМОЖНО ВЫПУСТИТЬ ИЗ РУК». – Биби Истон

«Вкусная. Сексуальная. Волнительная. Всепоглощающая книга. Приготовьтесь к самому сильному книжному похмелью в своей жизни». – Maple Book Lover Reviews

«Брейшо продолжают удивлять, и на этот раз эстафета переходит к следующим героям. Они борются с собственными демонами, но их влечение друг к другу сильнее. Получат ли они собственный счастливый финал?» – Анастасия Долгая, книжный блогер

Содержание

Краткое содержание	5
Пролог	6
Глава 1	25
Глава 2	34
Глава 3	54
Глава 4	71
Глава 5	86
Глава 6	98
Глава 7	112
Глава 8	127
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Меган Брэнди

Будь моей Брейшо

© Т. Косорукова, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

*Тем, кто защищает людей,
которые не могут постоять за себя.
Тем, кто не нуждается в похвале.
Вы – само мужество.
Никогда не меняйтесь!*

Краткое содержание

Перейти дорогу одному – значит перейти дорогу всем – таков принцип Брейшо.

Она должна была понять это до того, как пришла в наш мир с секретами, слишком большими, чтобы их можно было просто похоронить.

Но она этого не поняла, и теперь у нее на спине нарисована мишень.

В тот день, когда ее ложь была раскрыта, я должен был выгнать ее. Вместо этого я запер ее и пообещал, что никогда не буду принадлежать ей.

Я сопротивлялся, боролся...

Я сдался.

Я распробовал то, что стало моим новым любимым вкусом, и по уши влюбился в маленькую лгунью.

Но затем вся глубина ее предательства раскроется, а вместе с ним придет напоминание: наш город – извращенное место, и с правдой приходят неприятности.

В мгновение ока мой мир раскололся, и я столкнулся с невозможным решением, которое ведет к единственному результату...

Предательство.

Пролог

Виктория

Легкий стук по косяку заставляет меня открыть глаза, и я вижу потрескавшийся потолок, но тут же мой взгляд устремляется к дверному проему.

Мейбл, хозяйка нашего общежития, в котором я провела последние три года своей жизни, входит внутрь. Морщины у нее на лбу становятся глубже с каждым шагом. Она останавливается у кровати моей соседки и постукивает туфлей по ножке, чтобы привлечь ее внимание.

Нира отрывает взгляд от своего журнала и вытаскивает наушники из ушей.

– Нира, почему бы тебе не прогуляться, а? – Мейбл, как всегда, дипломатична, она знает, как разговаривать с подростками, которые неохотно выполняют приказы.

Моя соседка закатывает глаза и выходит.

– Эти девушки когда-нибудь погубят меня, – усмехается Мейбл, присаживаясь на край моей кровати.

– Да, – соглашаюсь я. – Но ты бы ушла отсюда, если б могла?

– О, поверь мне, дитя. – Она вздыхает, и ее возраст виден

в морщинках вокруг глаз. – Я могла бы уйти, если б захотела, но – нет. – Она секунду молчит, потом добавляет: – Я хотела бы позаботиться о следующем поколении, пока у меня еще есть силы.

Следующее поколение.

Верно.

Парни Брейшо, сила, довлеющая над этим городом. Братья, у которых нет общей ДНК, но которые связаны прочными узами. Мальчики, за которыми Мейбл ухаживала восемнадцать лет их жизни, а до этого за их отцами.

Однако «следующее поколение», о котором говорит Мейбл, – это не те трое, которых она помогла вырастить, а новые члены семьи Брейшо. Один из них еще не родился – растет пока что в чреве матери, другой пока всего три года.

Маленькая девочка, и на данный момент только горстка людей знает, что она существует – дочь Кэптена Брейшо.

Она была спрятана не только от мира, к которому принадлежала, но и от самого Кэптена. Брейшо узнал о ней через несколько месяцев после ее рождения и поклялся найти ее.

Он это сделал, но мир, в котором живут Брейшо, совсем не прост, и угрозы – слишком серьезные, чтобы игнорировать их, – не позволили малышке вернуться домой в тот же день, когда ее отец узнал, где она.

Однако никто был не в силах удержать Кэптена вдали от своего ребенка. И после нескольких десятилетий вражды между влиятельными семьями – Брейшо и Грейвенами – по-

бедили те, на чьей стороне правда.

Зоуи Брейшо наконец-то дома, там, где ей самое место.

Навсегда.

Но я не должна ничего об этом знать.

Ни о том, что она существует, ни о том, что она дома, ни о тех трудностях, которые пришлось преодолеть, чтобы привезти ее в дом Брейшо.

Во всяком случае – пока.

До сегодняшнего вечера, когда Мэддок и его новоиспеченная жена Рэйвен Карвер, истинная, кровная наследница фамилии Брейшо, вернулись домой.

Рэйвен совсем недавно узнала, что у нее есть сестра.

Я.

Этот секрет мне открыли, когда я была маленькой девочкой, да и то только потому, что мне не с кем было им поделиться.

Но потом я это сделала.

Я нашла свою сестру.

Мы жили вместе в общаге, но я решила не говорить ей ни слова об этом, но шесть недель назад Рэйвен узнала правду – сама.

У нас с ней общий отец, на которого мы никогда не претендовали, враг всех, кто с гордостью представляет фамилию Брейшо, глава другого клана – Донли Грейвен.

Ублюдок, который пытался разрушить этот город и тех, кто когда-то верил в его имя.

Восемнадцать лет назад он изнасиловал наших матерей, но решил, что они не стоят его внимания, потому что младенцам не суждено было родиться мальчиками – это показало УЗИ. А он хотел мальчика, чтобы тот со временем мог занять его место.

Донли пытался заставить их сделать аборт, но обе сбежали. Впрочем, моя мать не сбежала – он ее выгнал. Исчезновение обеих все же было для него победой – ведь он рассчитывал на то, что никто не узнает правды об изнасиловании.

Однако с тех пор многое произошло. Донли был разоблачен, его империя пала.

Каждый заплатит, если пойдет против Брейшо.

Перейти дорогу одному – значит перейти дорогу всем .

Я тяжело вздохнула.

По плану сегодня я должна переехать из общежития в особняк Брейшо. Это то еще местечко. Высокие тенистые деревья закрывают его от чужих глаз. И тут как посмотреть: Брейшо отгородились от мира, чтобы скрыть черноту в своих душах, или, наоборот, чтобы скрыть свет, который обитатели поместья не хотят показывать другим.

Я-то знаю – там *есть* свет, есть нежность и забота, но никто никогда не догадается об этом, потому что Брейшо не делятся с миром своими сокровищами.

Их дом создан для них и только для них. Чужакам не разрешается приближаться, они никогда не смогут войти.

А я там бывала уже много раз... потому что они разреша-

ли.

Сначала – по требованию Рэйвен, но братья Брейшо не были мне рады.

Однако потом все изменилось.

Сильная четверка превратилась в пятерку. Я в эту пятерку не входила, но меня приняли.

Переступит ли моя нога через порог на этот раз?

Глядя на Мейбл, я проглатываю комок, образовавшийся у меня в горле. Ее темные глаза перемещаются по моему лицу, в них светится понимание, что подтверждает мое предположение – она знает даже то, о чем ей не говорят.

– Ты достаточно долго откладывала это, девочка. – Ее глаза становятся серьезными, но в словах нет злости.

Мои плечи опускаются.

– Чем скорее это произойдет, тем скорее гнойник прорвется.

– Тем скорее они отправят меня собирать вещи.

– Тем *скорее* они смогут простить, – возражает она.

Я горько смеюсь, запрокидываю голову и смотрю в потолок.

– Ага, да. – Заставляю себя подняться – Потому что они, как известно, прощают чужаков.

– Ты не чужак.

– Но я не *она*. – Говоря о Рэйвен, смотрю в упор на Мейбл. – Возможно, я больше не просто блондинка из общаги, но я не она. Они не... они не поймут.

– Она поймет, – говорит Мейбл. – И постепенно они тоже.

– А что, если она не сможет?

Мейбл встает.

– Тогда ты заставишь ее.

Заставлю ее. Ага.

Я даже не могу засмеяться, хотя и хочу. Как будто кто-то, кто пытался заставить Рэйвен Карвер, то есть Рэйвен *Брейшо*, сделать хоть что-нибудь против ее воли, черт возьми, имел в этом успех!

С глубоким вздохом я задерживаю взгляд на Мейбл, выхожу из комнаты, а потом на улицу. Грунтовая дорожка ведет к особняку Брейшо.

Прошел месяц с тех пор, как Рэйвен и Мэддок поженились, после чего решили уехать на побережье, чтобы подышать воздухом после всего того дерьма, через которое они прошли, добиваясь положенного им места – во главе города.

Пока их не было, я старалась жить так, как привыкла. Я никогда не была общительной, поэтому целенаправленно избегала бесполезных разговоров, что, кстати, помогало не заводить нежелательную дружбу. По натуре я была одиночкой, но мне пришлось измениться, чтобы не выделяться, как гадкий утенок среди лебедей. Девчонки из Брейшо Хай привыкли видеть вокруг себя тех еще оторв. Я быстро оценила ситуацию и поняла, что никто не станет беспокоиться о стервозной блондинке с кошачьей подводкой для глаз и красными губами, – чопорность тут была не в моде.

Последние несколько недель я уходила в школу раньше, чем это было необходимо, и запиралась в своей комнате в общежитии, как только возвращалась. Я старалась избегать Брейшо, которые, как я знала, отсиживались дома.

В основном Кэптена.

Хорошо, только Кэптена.

Но теперь затворническая жизнь больше не казалась мне привлекательной.

Осознание этого было подобно удару кирпичом по башке. Я не могла оставаться в стороне, как бы сильно ни старалась.

Вот тогда я точно поняла, что пути назад нет.

То, что начиналось как исправление ошибок, которым я отчасти и была виной, превратилось в нечто большее.

Мое маленькое чудо переросло в желание, желание превратилось в потребность, и тут уж точно не было пути назад.

Самое главное – появилась возможность, пустила корни и расцвела.

Я не могла оставаться в стороне и пошла на компромисс со своим собственным чертовым разумом.

И вот опять я прячусь на виду у всех, как и раньше. Странно, у меня всегда был самоконтроль, но, похоже, он куда-то испарился.

Рэйвен совсем не похожа на Кэптена. Кэптен смотрит на меня, когда проходит мимо, или, по крайней мере, мне нравится думать, что он это делает – смотрит. А Рэйвен... она может вытащить мою задницу из любой щели, если ей пона-

добится.

Кэптен терпелив или, во всяком случае, заставляет себя быть терпеливым.

Рэйвен – полная противоположность.

Мои щеки наполняются воздухом, когда я пытаюсь успокоить нервы.

Мой настоящий страх питается другим – я знала, кто напал на Рэйвен, более того, я была там, когда это произошло, я знала, что Донли наш общий биологический отец и что мать Рэйвен – гребаная психопатка.

И вот теперь наступила та часть, которой я боялась больше всего с некоторых пор, – возвращение домой Рэйвен и Мэддока.

– Снова стоишь в тени?

Резкий голос пронзает мои ребра и выдавливает воздух из легких. Сердце бьется с удвоенной силой, когда я поворачиваюсь.

Растрепанные светлые волосы, ясные сине-зеленые глаза и легкая ухмылка.

Кэптен...

Черт.

Ветки хрустят под его ногами, когда он подходит ближе, и треск каждой из них еще больше учащает мой пульс.

Отступаю назад, пока мои лопатки не упрутся в дерево, не оставляя пространства для побега, если бы я решилась.

– Привет, – удается мне выдать из себя.

Уголок его рта медленно приподнимается, пристальный взгляд блуждает по моему лицу.

– Привет, – передразнивает он. – Почему ты прячешься в нашем саду?

– Мейбл сказала мне, что Рэйвен дома, – говорю я.

Он кивает и начинает смеяться.

– Она сказала тебе это сегодня неделю назад?

– Что? – выдавливаю я.

Вот дерьмо.

Кэптен делает еще один шаг вперед, и теперь его грудь касается моей.

– Ты думала, я не заметил? – шепчет он. – Ты думала, что я позволю тебе и дальше прятаться в тени, наблюдая?

Черт. Черт.

Взгляд Кэптена падает на мои губы, когда я облизываю их, чтобы смочить.

– Ты избегала меня, – говорит он. – Почему?

– Я не избегала.

– Ты лжешь.

Да, именно это я и делаю...

– Кэптен... – шепчу я, когда он придвигается ближе. Его рука находит мою шею, большим пальцем он приподнимает мой подбородок, и теперь его губы всего в одном дыхании от моих, такие... такие соблазнительные.

– Ты лежала в моей постели, касалась меня, – хрипит он, и голубизна его глаз темнеет. – Бормотала во сне. – На его

лице появляется ухмылка, а тон понижается, отчего у меня ворочается что-то в животе. – Это моя любимая часть...

Я должна оттолкнуть его.

Несколько секунд он стоит совершенно неподвижно, прежде чем сказать:

– Это та часть, где ты просишь поцеловать тебя, Спящая Красавица.

Я хмурюсь, мои руки взлетают, чтобы толкнуть, но вместо этого оказываются у него на плечах.

Все что угодно ради него, кричит мое подсознание.

Его губы касаются моих, и я забываю, что это неправильно. Мой рот открывается под напором его языка. Зубы слегка прикусывают мою нижнюю губу, он тихо стонет и... отстраняется.

– Я так и знал, – говорит он.

– Знал – что?

– Ты хочешь меня, – уверенно заявляет Кэптен, отстраняясь, но всего на дюйм, и костяшки его пальцев скользят вниз по моей шее. – Так же, как я хочу тебя. – Его глаза снова находят мои. – Скажи это.

Реальность возвращается на место, и я напрягаюсь.

Что это было?

В течение нескольких недель, а если честно, месяцев, между нами действительно что-то происходило. Мы оба чувствовали влечение. Он никогда этого не говорил, но я ловила его пристальные взгляды – не то чтобы он пытался это

скрыть. Мы разговаривали, но только о делах. Мы встречались, но никогда наедине, за исключением той ночи, когда Рэйвен вышла замуж за Мэддока.

Никто из нас не мог заснуть, и мы оба оказались на балконе. Нам было уютно, мы сидели в тишине и смотрели на звезды, поэтому, когда он сказал, что собирается посмотреть фильм, я восприняла это как приглашение и последовала за ним в его комнату.

Я действительно спала в его постели. Спала – буквально, заснула, убаюканная фильмом.

Я не осознавала, что касалась его, и, хотя известно, что я разговариваю во сне, он никогда не упоминал об этом. Не то чтобы у него был шанс...

Да, я избегала его, но не по тем причинам, по которым он думает.

– Я едва тебя знаю, – уклончиво говорю я. – И ты совсем меня не знаешь.

Кэптена это не останавливает. Его взгляд острый, сосредоточенный и уверенный.

– Но ты хочешь узнать меня так же, как я – тебя.

Моя кожа горит от его слов.

Как я – тебя...

– Тебе не понравится то, что ты обнаружишь.

– Мне уже все достаточно нравится, и я не прошу тебя раскрывать все свои секреты, хотя ты уже знаешь о моем самом большом.

Черт.

– Ты была здесь каждый день, красавица. Ты видела ее, мою дочь.

Я могла бы солгать, но он видел меня, верно? У меня нет перекладки, на которой можно было бы балансировать, нет веревки, за которую можно было бы ухватиться. Я знала, что это произойдет, вот почему откладывала так долго.

Вот оно.

Я молча киваю.

– Ты хочешь с ней познакомиться?

Надежда в его глазах заставляет мой желудок сжаться.

Кэптен Брейшо. Сильный, но осторожный. Спокойный и логичный, жесткий, как это требуется, и преданный до глубины души... Вот он, стоит передо мной, приглашая меня в свой мир. Но откуда ему знать, что я устроена гораздо сложнее, чем он.

Он возненавидит меня.

Они все возненавидят.

Кэптен отступает на шаг назад.

– Я должен был забрать ее мяч из машины. Давай не будем заставлять Зоуи искать меня.

– Слишком. Мать твою. Поздно. – Смех Рэйвен доносится из-за моей спины, заставляя напрячься. – Мы нашли тебя.

Мы? О нет.

– Папа!

Нет, нет, нет.

Не так, не сейчас.

Взгляд Кэптена мгновенно скользит за мою за спину, и он отступает еще дальше, глядя сияющими глазами в лицо маленькой девочки, которая, как я знаю, стоит прямо за мной.

Он наклоняется, и в этот момент я слышу еще шаги.

Они все здесь.

– Иди сюда, Зо, – говорит Кэптен. – Иди познакомься с нашим другом.

Моя грудь начинает болеть, глаза увлажняются, и я делаю глубокий вдох.

На мгновение ловлю взгляд Рэйвен, и она хмурится, не понимая причин моей паники.

Все должно было произойти совсем не так.

Мне нужен был шанс поговорить с ними – поговорить спокойно, а не плюнуть им в лицо правду о себе. В мире, где царят преданность и доверие, раскаленный клинок в живот обжигает меньше, чем ложь.

Рэйвен делает полшага ко мне, но тут Зоуи проносится мимо нее и бросается в объятия своего отца.

– Нашла тебя, нашла тебя! – смеется малышка.

Улыбка Кэпа возвращается ко мне.

– Зоуи. – Он разворачивает девочку, и ее глаза встречаются с моими. – Это...

Ее глаза расширяются, она вырывается из объятий отца и устремляется прямо ко мне.

Я быстро опускаюсь на колени, и она обнимает меня сво-

ими маленькими ручками.

– Рора!

Я не могу сдержать нежный смех.

Прошло слишком много времени, малышка.

Обнимаю ее в ответ, и мои глаза поднимаются к Кэпу. Я выдерживаю его взгляд.

Рэйвен застывает, не сводя с меня глаз, подходят Ройс и Мэддок.

Воздух вокруг нас меняется, становится тяжелым, угрожающим.

Зоуи отстраняется, улыбаясь мне.

– Я скучала по тебе, Рора!

Заставляю себя улыбнуться в ответ.

– Я тоже скучала по тебе, Зо-Зо.

Она смеется, глаза у нее точно такого же оттенка, как у Кэптена.

– Эй, Мишка Зоуи, – зовет ее Ройс. – Пойдем поедим мороженого, а?

– Мороженое! – кричит она и убегает, но тут же останавливается и бежит обратно, чтобы потереться своим носом о мой. – Эскимосские поцелуи!

Я заставляю слезы в моих глазах оставаться на месте.

– И объятия бабочки.

Хихикнув, она следует за своим дядей.

– Так сильно, Рора!

Так сильно, Зо-Зо.

Дальше – оглушительная тишина.

Я не хотела, чтобы все было так, я хотела, чтобы все пошло по-другому, – эта мысль занимает у меня секунду.

Челюсть Кэптена сжимается, он делает шаг назад.

Я поднимаюсь, мой взгляд мечется между ними.

Взгляд Мэддока прикован ко мне, как и взгляд Рэйвен, но она отводит его и смотрит в ту сторону, куда направилась Зоуи.

Глаза Кэпа превращаются в льдины.

– Прости, – шепчу я. – Не было подходящего времени, чтобы рассказать вам.

– Моя дочь знает, кто ты, – грохочет Кэптен. – Как такое возможно?

Я смотрю на Рэйвен и снова на него.

– Мария, – шепчу я имя женщины, которая выдавала себя за социального работника и заботилась о Зоуи, пока девушке было слишком опасно возвращаться домой. – Она моя мать.

Брови Рэйвен сходятся.

– Так ты знала?

– Я же говорила тебе... – Мое лицо искажается. – Раскрытие секретов было моей работой, помнишь?

– Как давно? – наступает Кэптен.

Мой взгляд устремляется в его сторону.

Я не отвечаю, и он придвигается ближе.

– Как. Давно. Ты. Узнала. О ней?

Я сглатываю и признаюсь:

– Задолго до тебя.

Кажется, будто я дала ему пощечину. Он надеялся на другой ответ – на тот, который не выстроил бы стену между нами.

– Что значит *так сильно*? – спрашивает он совершенно отстраненно. Никаких эмоций, даже гнева, что еще хуже.

– Именно то, что ты думаешь, – шепчу я ему. – Так она говорит мне, что она...

Я замолкаю, не в силах произнести это вслух, когда он смотрит на меня в упор.

Так она говорит мне, что любит меня.

Зоуи единственный человек, который когда-либо так говорил, который по-настоящему любил меня.

– Извините, – говорю я, и мои плечи опускаются. – Не знаю, что еще сказать... – Я поворачиваюсь к Рэйвен. – Не ненавижу меня, пожалуйста. Я пойду, не буду вас беспокоить, ребята. – Мой взгляд падает на Кэптена и снова возвращается к Рэй. – Но просто... не ненавижу меня.

Я так много должна сказать, но нет ничего такого, что могло бы исправить все это, поэтому я не утруждаю себя попытками.

– Иди, – говорит Рэйвен, и ее глаза буравят Кэптена. Что-то проходит между ними, прежде чем она оглядывается на меня. – И сделай это быстро, Виктория...

Не в силах встретиться взглядом с Кэптенем, я отступаю.

– Я ожидала этого, мои вещи уже упакованы, – признаюсь я. – Я уеду меньше чем через час.

Успеваю пройти несколько метров, когда слышу голос Кэптена:

– Что ж, в таком случае мы пошлем кого-нибудь за твоими вещами.

Мой взгляд скользит через плечо, и я хмурюсь.

– Тебя заселят меньше чем через час, – говорит мне Рэйвен и берет Мэддока за руку; хмурый взгляд скрывает ее истинные мысли.

Я поворачиваюсь.

– Ты хочешь, чтобы я осталась?

Она переводит взгляд с Кэпа на меня.

– Это я тебе говорю.

Мэддок и Кэптен обмениваются взглядами, затем Мэддок и Рэйвен уходят, оставляя меня с Кэпом наедине.

– Мне жаль, Кэп...

– Не надо, – обрывает он и подходит ко мне.

Я не могу показать слабость, он возненавидит меня за это.

Кэп собирается что-то сказать, но я не могу догадаться, что именно. Его глаза ничего не выдают. В ту секунду, когда лед в них начинает таять, он вдруг отходит за деревья, потом поворачивается, чтобы посмотреть на меня еще раз.

– Добро пожаловать домой, красавица.

Его слова звучат холодно. Наверное, я погорячилась насчет «спокойного, логичного и осторожного».

Кэптен широко разводит руки, а я вижу особняк за его спиной.

– Но, возможно, тебе стоит держать ухо востро.

Мой пульс учащается.

– Это значит, мы теперь враги?

Однако напряжение в его глазах кричит о том, что ответ – нет, он не хочет этого.

Тем не менее в следующий момент я подумываю о том, чтобы убежать, исчезнуть, но эта мысль сразу испаряется, потому что цена бегства слишком высока.

Я тогда потеряю все, чего у меня никогда не было и чего я всегда хотела.

Я бы рискнула, если бы единственные люди, которые когда-либо заставляли меня чувствовать себя самой собой, возненавидели меня. Но позволить им оттолкнуть меня, когда я только-только сблизилась с ними?

Я, черт возьми, так не думаю.

Они вытащили меня из моего укрытия, и я рада.

Я устала от темных углов, устала быть позади.

Устала проигрывать заранее.

Это будет нелегко, и мне придется пробиваться, когда он, когда они, попытаются вытеснить меня, но я знаю их достаточно, чтобы понять: если есть шанс завоевать их доверие, они бы этого хотели.

Они никогда не будут уважать того, кто примет поражение, кто позволит сломанным частям внутри так и оставаться-

ся сломанными.

Они хотят вызова, доказательства того, что я хочу измениться.

Они хотят сильного партнера, но прежде – подтверждения, что я смогу со всем этим справиться.

Они хотят правды, доказательства, что я принадлежу им.

Я действительно принадлежу этому месту.

Они увидят.

Рэйвен – моя сестра, это мой новый дом.

Это будет нелегко, но я готова бороться за все, что с этим связано.

Если мне повезет, в том числе и за блондина Брейшо.

Глава 1

Кэптен

Я ДОЛЖЕН БЫЛ ДОГАДАТЬСЯ.

Моя фамилия Брейшо, и хотя те, кто смотрит со стороны, могут подумать, что быть членом этой семьи означает, будто тебе все дается легко, в реальности все не так.

Большую часть жизни мы боремся.

Я, мои братья, Рэйвен... Черт, на самом деле любой, кто связан с нашим именем.

Мы боремся за наших людей, за то, во что мы верим и чего хотим, за то, что, по нашему мнению, мы заслужили. За исключением любви и преданности семье, ничто в мире даже близко не давалось нам легко.

Именно поэтому, когда длинноногая, волевая, упрямая блондинка с надутыми губками в красной помаде и дерзким взмахом ресниц проскользнула в наш мир, я должен был сделать четыре шага назад на каждую ее попытку тянуть меня вперед.

И, черт возьми, ей удавалось это – тянуть.

Я сопротивлялся.

Я боролся с ней.

Но я сдался.

Я завладел ее губами несколько месяцев назад, пробуя то, что стало моим новым любимым вкусом.

Но наш город – сложное место, и любой шаг проще вообразить, чем сделать, так что я не должен был удивляться, когда не прошло и двух минут, как раскрылась ложь.

И ложь была слишком большая, чтобы ее можно было простить.

ДВА С ПОЛОВИНОЙ ГОДА НАЗАД Я УЗНАЛ, ЧТО У МЕНЯ ЕСТЬ ДОЧЬ, КОТОРАЯ родилась и была спрятана от меня.

К тому времени как я нашел ее, моей дочери было два месяца.

А сегодня я узнал, что блондинка, на которую я имел виды, знала о моей малышке раньше меня и не сказала ни слова.

Если так подумать, эта блондинка, я тогда не был с ней знаком, так обязана ли она быть преданной мне?

Даже самую малость нет, а я не хочу ничего, чего бы я не заслужил.

Это чистая правда.

Так почему, черт возьми, ее предательство жалит, как порез в груди, как будто она уже занимает там место?

Она не занимает.

И не займет.

Потому что, хотя она, возможно, и не была мне должна

тогда, она чертовски должна сейчас.

Я захлопываю дневник и раздраженно бросаю его на пол; мой взгляд устремляется в темный, пустой коридор. Коридор, который теперь ведет к ее спальне.

Сначала она боялась переезжать сюда – только дурак будет спокойно чувствовать себя в окружении волков, особенно когда один из них остался голодным и злым, верно?

По крайней мере, так подсказал бы здравый смысл.

Но почему тогда маленькая лгунья поднималась по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки за раз, и почему, получив предупреждение держать ухо востро, она так легко заснула?

Проведя руками по лицу, я роняю голову на спинку кровати и тянусь за тяжелым кастетом, подаренным отцом, когда мне было семь.

Подношу его поближе к лицу, рассматриваю якорь, выгравированный вдоль изгибов, идеально совпадающий с татуировкой на моих костяшках пальцев, и читаю надпись.

Семья – это не только общая кровь.

Слова, которыми живут и дышат все Брейшо. Для нас это еще один способ сказать: никогда не доверяй слепо и не проявляй лояльности к тем, кто этого не заслужил. Не обязательно быть родственниками по крови – важно быть близкими по духу.

Если бы только лгунья-блондинка понимала такие вещи.

Я закрываю глаза и делаю глубокий вдох, чтобы рассла-

биться, но не проходит и двух секунд, как я слышу тихий щелчок поворачивающейся ручки где-то в коридоре. На мгновение мне кажется, что показалось — в конце концов сейчас в три часа ночи, — но затем...

Шаги?

Да, шаги, и они все ближе. Я хорошо их слышу, потому что дверь моей комнаты открыта.

Это она... Я делаю вид, что сплю. Она застывает на месте и смотрит на меня — я вижу это через опущенные ресницы.

Она поворачивается, на цыпочках пересекает коридор и заглядывает в комнату напротив моей. Это комната моей дочери, и там тоже открыта дверь.

Зачем ей подглядывать за моей дочерью? У нее нет права к ней приближаться. Она поступает глупо.

А может быть, смело?

Ее рука лежит на дверном косяке, она наклоняется вперед.

Я быстро вскакиваю и за секунду до того, как она пытается войти к Зоуи, хватаю ее за обе руки и прижимаю к стене.

Она знает, кто стоит за спиной, и поэтому не оглядывается, только задерживает дыхание.

Мы оба молчим.

Напряжение нарастает, сгущая воздух. Влечение и ненависть — это то, что чувствую я.

Но и она тоже. Наверное.

Я придвигаюсь ближе, и пальцы на ее босых ногах поджи-

маются.

Она напугана? Нервничает?

Возбудилась?

Мой член – еще как.

По крайней мере, ей должно быть не по себе.

Мы открыли ей дверь в наш дом, хотя чужакам сюда путь заказан, и она вошла, пряча ложь под своим мешковатым худи.

Она – мастерица прятать от других свое истинное лицо, свои мысли, свою правду.

Я приближаю губы к ее уху.

Она примерно на голову ниже меня, так что мне приходится наклониться.

В паху разгорается огонь, когда ее пальцы дергаются.

Я знаю, что каждое мое движение вызывает в ней реакцию.

– Что ты здесь делаешь? – шепчу я.

– Я проснулась и не смогла снова заснуть... Решила проверить, как она.

От ее слов у меня под кожей закипает гнев, но я сдерживаюсь и кладу руки ей на бедра. И тут же внутренний голос недовольно шипит, что им там не место.

Она не сопротивляется и позволяет мне развернуть ее. Карие, оттенка коричневого сахара глаза поднимаются на меня.

Я провожу костяшками пальцев по ее скулам.

Зрачки в ответ расширяются.

Ей было бы так легко сделать приятно, что я, черт возьми, почти чувствую это.

Пухлые губы вечно ржаво-красного цвета приоткрываются.

Я позволяю своим пальцам скользнуть ниже.

Она подсознательно наклоняет голову набок, предоставляя мне доступ к шее; в ее взгляде я читаю надежду.

Достигаю ее ключицы, пропускаю прядь шелковистых светлых волос между пальцами. Заставляю свой взгляд смягчиться.

Каждый дюйм ее тела расслабляется.

Как я и хотел.

– Собираюсь трахнуть тебя, красавица, – шепчу я, и от злости мой пульс учащается, потому что, черт возьми, это так и есть. – Очень хочу.

Она во все глаза смотрит на меня.

– Я думал об этом неделями, – признаюсь я и слегка дергаю ее за прядку. – Хочу уложить тебя в свою кровать, запустить руки в твои волосы и прижать к себе.

Именно это я и делаю, только мы не в кровати, а в коридоре.

Она тает, когда я утыкаюсь лицом в изгиб ее шеи, обхватывает мои бицепсы.

– Хочу поцеловать твою шею... вот так.

Провожу губами по ее коже и чувствую, как она дрожит.

Скольжу губами выше, обратно к мочке ее уха, и мне при-

ходится сдерживать себя, чтобы не попробовать ее на вкус.

– Хочу раздеть тебя... Взять тебя... *обнаженной*.

Она громко сглатывает.

Кладу руки на стену, прижимаюсь всем телом. На ней нет лифчика, и через ночную рубашку я ощущаю набухшие соски. Приходится сжать бедра, чтобы не заикливаться на этом ощущении.

– Хочешь знать, что бы я сделал дальше?

Ее ответ – тихий стон.

– Я бы перевернул тебя и вошел сзади.

Она кивает, затаив дыхание.

– И как только я окажусь внутри... – Я опускаю ладони на изгиб ее аппетитной задницы. – И как только я окажусь внутри, ты будешь умолять меня без слов, чтобы я не оставливался. А я... Я доберусь до твоих волос, возьму их в кулак и натяну. И, Виктория, детка...

Она дрожит, ее ногти впиваются в мои плечи.

– Я бы смотрел тебе в затылок... воображая, что трахаюсь с другой. *С блондинкой*, но другой.

Она каменеет.

Не дышит, не смеет пошевелиться.

Долгое мгновение я удерживаю ее, прежде чем оттолкнуть, затем делаю шаг назад и пригвождаю ее ледяным взглядом.

– На случай, если ты не знала. Светлые волосы достались моей дочери не только от меня, – говорю без эмоций.

Кажется, что она никогда не отлипнет от этой стены.

– Ее мать звали Мэллори, и волосы у нее были такими же длинными, как у тебя.

Наклоняю голову и рассматриваю ее.

– И она такая же блондинка. Может быть, немного другой оттенок, чуть больше блеска, – бессердечно добавляю я.

Ее глаза темнеют.

– Если это то, что тебе нужно, сделай это. – Она отрывается от стены и встает передо мной. – Ты хочешь обмануть себя, хочешь, чтобы я на пару ночей стала ею, – что ж, я в игре. Используй меня.

У меня вырывается мрачный смешок.

– Использовать?

– Я к этому привыкла.

– Не со мной.

Мышцы на ее лице подергиваются, когда она готовится огрызнуться.

– Я сказала, что не возражаю.

Она не отстраняется, когда я протягиваю руку, чтобы заправить ей волосы за ухо. Мой пристальный взгляд изучает ее лицо.

Эта девочка практически не контролирует себя, когда дело касается меня.

Много времени, чтобы полностью снять ее контроль, не потребуется

Наклоняюсь и выдыхаю ей прямо в губы:

– Виктория Вега... – Такая. Хорошенькая. Маленькая.
Лгунья.

Глава 2

Виктория

Маленькая лгунья.

Слова Кэптена звучат в моей голове с тех пор, как он прошептал их в темноте.

Неужели я лгунья?

Простой ответ – да, но кто так просто станет делиться секретами?

Возможно, я выросла в другом мире с другими правилами и понимаю доверие совершенно по-особому, не так, как они, но я знаю кое-что получше, чем открываться перед каждым. О нет. Я своими глазами видела, что происходит, когда ты так делаешь, и хорошим это никогда не заканчивается.

Даже самые сильные становятся слабыми перед единственным своим злейшим врагом, а умные точно знают, где кроется смертельная угроза – глубоко в твоём сознании.

Нет ничего более опасного для человека, чем то, что скрыто внутри него.

Секреты крадут нашу человечность, лишают нас богатств, которые не измеряются деньгами, мешают жить своей жизнью, и все же секреты – это то, что заставляет таких, как

Брейшо, быть осмотрительными.

Время от времени все скрытое просачивается наружу, и самое слабое звено обязательно выходит из строя.

Я говорю не о тех, кто живет в этих стенах. Просто сделала такой вывод, наблюдая за многими.

А Брейшо, эти мальчики, эти *братья*, – они одинаково сильны... Но они такие разные во всех отношениях.

Мэддок – самый грозный из них. Зеленое стекло его глаз и темные волосы создают, я бы сказала, зловещее очарование. Он даже более опасен, чем кажется. Его взгляд заставляет подвергать сомнению все, о чем ты думаешь.

Ройс – татуированный задиристый тусовщик. Он никогда не успокаивается настолько, чтобы остановиться, он все делает бездумно, но каким-то образом каждое его движение имеет цель. У Ройса закаленное сердце и крепкие кулаки, он улыбается, когда наносит кому-то удар, неважно, физический или удар по самолюбию. И сколько бы он ни улыбался, темнота в его глазах никогда не проясняется.

А еще есть Кэптен.

Кэптен... Он как будто создан из самых глубоких желаний моего собственного сердца и разума.

И я даже не подозревала об этих желаниях, пока не увидела его карибские глаза – идеальное сочетание зеленого, синего и голубого, да еще и оттенки постоянно меняются.

Высокий, с широкими плечами и мускулистыми руками – его сила несомненна.

Соединить все это с песочно-белыми волосами, и он станет идеальным Кеном, другом Барби.

Но Кен – это всего лишь кукла, пустышка, а личность этого красавчика Кэптена излучает такое сильное притяжение, от которого я пыталась убежать с того самого момента, как ощутила его, но убежать так и не смогла.

Кэптен любознательный, как и я. Видит то, что видит, взвешивает и анализирует увиденное, а потом принимает решения. Его привычка думать, прежде чем действовать, делает его самым опасным из братьев, по крайней мере, для меня. И он такой же неприкасаемый, как они.

Мейбл была с ними с самого начала, растила их, направляла на избранном пути, наблюдала, как ее мальчики становились такими, какими они стали сейчас – сильными и уверенными в себе.

Брейшо.

Да, они пока что старшеклассники, но они гораздо, гораздо больше.

Они – люди власти, которую они унаследовали и заработали; к ним проявляют уважение за то добро, которое они делают, и их боятся, потому что они – сила, и они беспощадны к тем, кто сеет зло, которое они устраняют.

Брейшо раскрашивают кошмары своим существованием.

И буквально только что официально захватили власть в этом городе. В *их* городе.

Мои легкие расширяются с глубоким вдохом, и я снова

опускаю голову на плюшевые подушки.

Я ни хрена не могу заснуть: уже несколько часов сижу на балконе, пялюсь на эти чудовищные деревья, окружающие особняк, и думаю, думаю, думаю. Но это пустая трата времени. Мне не пришло в голову ни одного способа сделать все гладко и просто, ни одного способа, который не повлек бы за собой целый ряд новых сложностей.

Будь это кто другой – нет проблем. Я же непотопляема – на меня давят, а я принимаю все спокойно, работая над исправлением того, что я – вроде как случайно – сломала.

Но это – Брейшо. И, конечно, меня пугает, что их четверо: Кэптен, Ройс, Мэддок и Рэйвен, она тоже Брейшо, и я это знала с самого начала. Да и еще Ролланд. И Зоуи...

Брейшо – это команда, это семья, а я никто, и по сути бездомная. С этим я легко могла бы справиться, но то, что с ним Зоуи, меняет все.

Я должна доказать, что это и мой дом тоже. Раньше я бы и не подумала навязываться. Это было бы смешно и хреново, и они бы никогда не допустили такого. Но теперь, когда Зоуи здесь, все изменилось, и мне нужно найти способ, чтобы доказать им, что я не чужая среди них, что это не корыстные расчеты блондинки, желающей попасть в семью, которая правит этим городом.

Нет. Мое появление в их доме и их семье предопределено судьбой, я чувствую это.

Не уверена, понимают они это или нет, но следующие

несколько месяцев будут точно тяжелыми для всех. Я не сомневаюсь, что Зоуи мгновенно освоилась, по-другому и быть не могло, но у старших Брейшо все равно будет какой-то период адаптации. Тем более что они функционируют как единое целое. Не только Кэптен столкнется с новыми испытаниями как отец, но и его братьям достанется.

Однако в этом есть и хорошее: Брейшо будут расти, и расти быстро. Не то чтобы они когда-нибудь были по-настоящему подростками, без особых мозгов в голове, нет. Это часть пути Брейшо – рано взрослеть, жениться сразу после окончания школы и так же быстро производить на свет наследника.

Может быть, из-за этого у них преимущество, поскольку управление городом подразумевает, чтобы они были сильными всю свою жизнь, но тут трудно сказать наверняка.

Все, что я знаю, – это то, что, хотя Зоуи пока что мала и определенно не понимает каждую мелочь, она умна и схватывает все на лету. Ей не потребуется много времени, чтобы понять, что ее новый дом – и мой тоже, и она будет искать моего внимания.

Что я должна делать, когда она это поймет? Уйти?

Я – человек, которого она видела больше всех, кроме Марии.

Мария.

Я не разговаривала с ней с тех пор, как Зоуи вернулась в дом Брейшо. Не то чтобы мы с ней раньше не говорили о чем-то, кроме Зоуи, но моя мать жила девочкой, и теперь

между нами выжженная пустыня.

Я достаю сотовый телефон, который Рэйвен прислала мне в подарок, и прокручиваю список до имени матери. Нажимаю вызов, но после нескольких коротких гудков звонок переходит на голосовую почту.

Я не оставляю сообщения.

Возможно, она и родила меня, но у меня никогда не было матери как таковой. То есть не было любви или хотя бы привязанности, которые, если уж на то пошло, точно должны быть у ребенка.

Это я теперь знаю, а тогда не знала.

Никто не скучает по тому, чего у тебя никогда не было, а у меня не было ничего.

По крайней мере, до моего десятого дня рождения, когда в дверях появился мужчина и выложил новость.

Что у меня есть сестра Рэйвен.

Человеком, который пришел поделиться столь важной информацией, был Меро Малкари, биологический брат Ролланда, отца мальчиков.

Меро был больным человеком, и в тот день, когда он осмелился подъехать к поместью Грейвенов, то есть к дому врага своей семьи, он вошел с ухмылкой, с высоко поднятой головой и все такое.

Я никогда этого не забуду...

Листья наверху шевелятся, и я запрокидываю голову посмотреть, что там такое.

Густой плющ полностью закрывает тяжелый камень и толстую металлическую проволоку с шипами – обманчивая красота.

Сегодня ветра нет, почему же они шевелятся?

Потом я догадываюсь. Улыбка вырывается на свободу, и я вскакиваю на ноги, обещая лилиям, что вернусь.

Встаю на четвереньки и заглядываю под калитку, чтобы убедиться, на месте ли тень от замка.

На месте, и это говорит о том, что замок заперт, как обычно. Я заперта в своей тюрьме.

Подсказываю к стене, дважды дергаю за плетъ и жду.

Это занимает мгновение, потом вижу, что плетъ дергают с другой стороны.

Я тихо смеюсь, присаживаюсь на корточки, раздвигаю листья и заглядываю в крошечное отверстие, сделанное в стене.

Вижу его глаза, смотрящие на меня, но лица не разглядеть.

– Ты вернулся! – Я улыбаюсь, хотя он этого не видит. – И как раз вовремя. Уже почти полдень, скоро пролетит птица.

В его глазах я замечаю страх и печаль.

– В чем дело?

– Я не смогу сегодня посмотреть вместе с тобой на стервятника.

Мое возбуждение спадает, плечи опускаются.

– Но почему?

Он отвечает не сразу:

– Там мужчина. Он пришел за тобой.

Мужчина... какой мужчина?

Его взгляд на мгновение отрывается от моего, но затем возвращается, и он говорит возбужденно:

– Ты увидишь. Он уже идет, и твой отец с ним.

Мои глаза расширяются.

– Сейчас?

– Сейчас. – Он вздыхает. – Будь храброй, девочка, делай, что он говорит, и все будет хорошо.

– Ты меня пугаешь.

Он шепчет:

– Все будет хорошо. Я не знаю, хороший ли он человек, но если ты послушаешься, я знаю, что он постарается быть таким.

– Что ты имеешь в виду, почему я должна слушаться? Ведь никому не разрешают разговаривать со мной.

– Они приближаются! – быстро шепчет он. – Знаешь, я не могу дождаться, когда снова увижу тебя.

– А как мы увидимся?

– Я скоро буду с тобой.

Что-то расцветает в моей груди, рука все глубже погружается в кожистую зелень.

– Обещаешь? – громко шепчу я.

– Обещаю, да. Однажды мы с тобой будем вместе наве-

гда, несмотря ни на что.

Вдалеке звучат голоса.

– Уходи! – снова шепчет он.

Я быстро оглядываюсь, хотя знаю, что за спиной никого нет, и единственный друг, который у меня когда-либо был, но которого я никогда не видела... исчезает.

Встаю и бросаюсь обратно к клумбе. Калитка распахивается в тот самый момент, когда я подхожу к лилиям. Стою, опустив голову, и в поле моего зрения появляются блестящие ботинки отца, а рядом с ними еще одна пара.

– Глаза, – говорит отец.

Я поднимаю глаза, заставляя себя не смотреть на гостя, но затем отец отступает в сторону, и внезапно этот человек оказывается передо мной.

Он высокий и подтянутый, в уголках красивых зеленых глаз теплится улыбка.

– Привет, – говорит он так тихо, что мышцы моего тела расслабляются.

Я сглатываю.

– Привет.

Его взгляд падает на мои грязные пальцы, и я быстро прячу руки за спину.

Он смотрит мимо меня на сад.

– Тебе нравятся цветы?

Я откидываю волосы за плечи и киваю; его пристальный взгляд сопровождает каждое мое движение.

– Тогда я подарю тебе все цветы в мире. – Улыбка становится шире, и он поворачивается к моему отцу. – Договорились, Грейвен. – Он протягивает ему конверт. – Здесь ты найдешь адрес другой твоей дочери.

Мои глаза расширяются, и я делаю полшага вперед.

– У меня есть сестра? – Надежда – это то, что сейчас растет в моей груди, затрудняя дыхание.

Но отец бросает на меня жесткий, пустой взгляд, и надежда тает так же быстро, как и появилась.

Я замираю, отступаю назад и опускаю голову.

Отец усмехается, поворачиваясь к мужчине.

– Стоит тебе выйти с ней, и ты не сможешь вернуть ее обратно. С этого момента она будет твоей собственностью, Брейшо.

Брейшо?

Это его имя?

– Нет, – мягко отвечает мужчина, делая шаг ко мне. Его пальцы скользят под моим подбородком, заставляя мои глаза подняться. Он улыбается. – Она будет моей спасительницей, а однажды и моей невестой. Еще раз так заговоришь с ней или о ней, Грейвен, и я буду вынужден заставить тебя пожалеть об этом.

Мое сердце бешено колотится, когда я пытаюсь понять смысл их слов, но все, что звучит у меня в голове, – это «невеста».

Он наклоняется так, чтобы наши глаза были на одном

уровне, и берет мои руки в свои.

— Никогда не опускай глаза, когда на тебя смотрит мужчина, никогда не отводи взгляд. — Он изучает мое лицо. — Никогда не прячься, милая девочка. Твои глаза... глубокие, пугающие... идеальный карий цвет — это твоя сила, и я научу тебя, как ею пользоваться...

Не прошло и пяти минут, как я оказалась в машине, не имея при себе ничего, кроме одежды и обуви, что были на мне в тот день.

Меро выдал местонахождение Рэйвен и ее матери — то, что Донли искал со дня исчезновения Равины, и в обмен мой отец отдал ему меня.

Вот так я превратилась из никчемной, никому не нужной девочки, которую никуда не выпускали, в золотую марионетку, самый ценный, самый важный инструмент в мужском мире.

Я рано развилась и всегда выглядела чуть старше своего возраста. Когда я была маленькой, у меня не было возможности поиграть с другими детьми, хотя я, конечно же, знала, что существуют другие дети, — слышала их смех по другую сторону стены, а потом появился мальчик, который осмелился заглянуть в дырку. Мне не у кого было учиться, кроме охранников и моего наставника, и как только мне исполнилось восемь, для «развития» мне подарили телевизор.

Меро, должно быть, увидел это в моих глазах — что я отчаянно нуждаюсь в большем.

Он гордился своей «собственностью», и я быстро стала пешкой в его играх. Делала, как он просил, находила способы обмануть тех, кого он обрабатывал, и они выдавали свои секреты. Эти люди, занимавшие высокие посты, предавали Брейшо. Иногда в надежде на лучшее, а некоторые просто за деньги.

У нас с Мери были уловки, чтобы добиться желаемого, и я всегда хотела дать ему то, о чем он просил, поэтому была чрезвычайно изобретательна. Я изучала людей, научилась видеть больше, чем было открыто, слышать то, что не было сказано вслух. Для меня это тоже стало игрой, чем-то, на чем можно сосредоточиться, способом заслужить любовь, которой я так жаждала.

Секреты были моей целью.

Я была шантажисткой.

И только когда я повернулась спиной к человеку, который освободил меня из тюрьмы, моя жизнь изменилась.

А теперь, теперь она изменится?

Вероятно, да.

Я знаю, что я сильная, я знаю, что справлюсь, но я снова хочу большего.

Я уже не маленькая девочка, которая была совершенно ненужной, даже себе.

Ирония судьбы в том, что единственная вещь, которая когда-либо добавляла в мою жизнь хоть каплю цвета, — это и есть причина, по которой мой мир был окрашен в серый

цвет.

Секреты...

Секреты моя цель и моя профессия, но здесь это ничего не даст.

У меня нет никаких рычагов давления – только ложь.

Я не знаю, что такое гордость, – я утонула в стыде.

Я ненавижу себя больше, чем человека, который сделал меня такой.

Насколько ты слаб, чтобы стать тем, кем тебя хочет видеть кто-то другой?

Здесь я смогу быть другой.

Я хочу быть полезной.

Чего-то стоить.

Я вздыхаю и закусываю губу.

Чьи-то тихие шаги привлекают мое внимание; я поворачиваю голову и вижу Ролланда, человека, который помог мне спрятаться у всех на виду.

Я никогда не говорила ему, кто я на самом деле, – дочь человека, которого он ненавидел; только то, что я росла в стенах поместья Грейвенов, пока меня не продали.

Я никогда не говорила ему, кому.

Ролланд засовывает руки в карманы, глядя на сад.

– Тебе не обязательно сидеть здесь, Виктория.

– Нет, обязательно.

– Это и твой дом.

Я киваю.

– Так и будет. Со временем.

Легкая улыбка появляется на его губах, он медленно опускается в кресло рядом с моим.

– Я рад, что ты так думаешь.

Облако неуверенности, окружающее меня, должно быть, душит его так же сильно, потому что он говорит:

– Я полагаю, теперь ты понимаешь...

– ... что ты все это время знал, что я была дочерью твоего врага, Донли Грейвена, грязной кровью? – Мой взгляд на мгновение скользит в его сторону, но я быстро отвожу глаза.

– Я не был уверен, но у меня было чувство, может быть, даже надежда, что ты была дочерью женщины, которую я пытался спасти.

– Что это значит? – спрашиваю я. Мне и в самом деле интересно, потому что я никогда не говорила с Марией по душам. Узнавала обо всем по крупицам, но ничто не имеет ни малейшего значения, если не исходит непосредственно из уст того, кто знает всю правду. – Освободить ее? Как именно?

– Твоя мать работала горничной у Грейвенов, она была... их собственностью, насколько это возможно, и Донли выбросил ее, как мусор, когда узнал, что она беременна девочкой, когда ему нужен был только сын. Мейбл привела ее ко мне, и я предложил Марии дом, безопасное место, где она могла бы зарабатывать на жизнь и растить своего ребенка, тебя, когда ты родишься. – Он смотрит на меня. – К сожалению, у нее не

было такой возможности. Я полагаю, ты знаешь, почему...

— Он забрал меня от нее в больнице. — Я пожимаю плечами; это не печально — это реальность. — Почему ты позволил ей вернуться в свой дом после этого?

Его лоб морщится, и он отводит взгляд.

— Чувство вины, может быть. Не знаю.

— И этого было достаточно, чтобы ты оградил своих сыновей от меня?

— Я дал им файл, как я делаю каждый раз, когда мы заседаем кого-то в общежитие. Все, что я сделал, это упростил твое прошлое.

Упростил, верно.

Как будто «неблагополучный дом» и «отсутствие родителей» о чем-то говорят.

Я слежу за признаками лжи в его словах и спрашиваю:

— У тебя есть *настоящее* досье на меня, Ролланд?

Он отрицательно качает головой.

— Не потому, что я плохо искал... Ты не в системе, Виктория. У тебя даже нет свидетельства о рождении, поэтому я и заподозрил, что у тебя за душой нечто большее, чем ты делишься. Технически тебя не существует, но мы можем это изменить, если ты хочешь.

Между нами висит долгое молчание, и когда Ролланд понимает, что у меня нет комментариев к его последнему заявлению, он глубоко вздыхает. В его тоне ясно слышится уныние:

– Я знал, на какой риск шел, выпуская тебя в наш дом. Ты пришла тайно, и это означало, что у тебя точно должно быть что-то большее. Я полагаю, мы лишь коснулись поверхностно...

– Ты узнал только то, что я тебе позволила, и ничего больше, – прямо говорю я, мои глаза встречаются с его и удерживают взгляд. – Многое из того, что я знаю, не имеет никакого значения для этого места... но и многое имеет.

Есть столько вещей, о которых парни не знают, о которых, вероятно, думают, что все это давно похоронено, но в том-то и дело, что для любого секрета нужны двое.

По крайней мере, так считают наивные люди.

Единственный способ похоронить правду – это похоронить человека, манипулятора и предшественника.

Почему им не приходит такое в голову, я не знаю, но...

На каждого короля найдется мальчик, который восстанет из пепла, – так устроены королевства.

Именно по этой причине я не упала перед ними на колени и не позволила всем своим секретам излиться из уст.

Сила этой семьи, хотя и не имеющая себе равных, не была основана на верности, как полагают большинство.

Она была построена на крови и предательстве.

Мои истины причинят кому-то боль, сломают многих и могут свести одного из Брейшо в могилу, но жадность – хитрый ублюдок, и я ее новая жертва.

Я могла бы уйти и забрать свои секреты с собой, но я этого

не сделаю.

Я хочу участвовать, и не только ради Кэптена, но и ради себя тоже.

Я скажу им, когда они будут готовы к большему, и пусть последствия будут такими, какими будут.

Я поднимаю голову.

– Твой детектив действительно ничего на меня не нашел? Ролланд борется с ухмылкой.

– Ничего. Я думал, что Меро давно нет, и мне бы никогда не пришло в голову искать улики, которые могли бы привести к нему. Знаешь, они хорошо тебя спрятали. И мой брат, и твой отец.

Я киваю.

– Меро, конечно, был осторожен, но большая часть заслуг досталась Донли. Я замечала людей, которые следили за нами, и я знала, кто их подослал. Меро тоже знал, но ему было все равно. Для него это была вроде как бесплатная охрана. Он делал вид, что ничего не замечает, но на самом деле видел все. Донли хорошенько убрал за собой все крошки. Он не оставлял места для случайностей.

Ролланд долго смотрит на меня.

– За это была своя цена, верно?

– Всегда есть цена, Ролланд, и цена была высока. Хочешь знать, какая?

Он приподнимает бровь.

– Жизнь Рэйвен, – выпаливаю я. Я никому об этом не рас-

сказывала, и тяжелая боль скручивает мои ребра. – Если бы Мери потерял меня, независимо от того, как это произойдет, он бы убил ее.

В уголках глаз Ролланда появляются глубокие морщины, и он поворачивается, чтобы лучше видеть меня.

– Виктория...

– А что Виктория? Какая девушка захочет защищать какую-то другую девушку, совершенно ей не знакомую, пусть даже у них одна кровь на двоих, верно? Или как там у вас говорится? *Семья – это не только общая кровь...*

Глаза Ролланда сужаются.

– Это он тебе это сказал, Мери?

– Скорее, вбил это в меня. Ему нужно было убедиться, что я никогда не забуду его, никогда не отвернусь от него, никогда не уйду к своему отцу. Полагаю, у него были некоторые опасения, что я смогу полюбить этого человека.

– Эти слова священны в моей семье, – губы Ролланда сходятся в твердую линию.

Я пожимаю плечами, прекрасно зная, каким грузом чувства Брейшо обычно ложатся тебе на душу, и меняю тему разговора.

– Потом Мери отбросил идею об убийстве Рэйвен, зная, что Донли планирует оставить ее там, где она была. Последнее, чего хотел Донли, так это чтобы она оказалась здесь. Случись такое, все бы узнали, что он сделал, – изнасиловал девушку, которая была обещана его собственному преемни-

ку. Он разрушил все, но ему потребовалось бесстрашие восемнадцатилетней девочки ростом пять футов три дюйма, чтобы понять это.

– Донли был слабым человеком во многих отношениях, – Ролланд внимательно изучает меня.

– Я могла бы уйти от Мери, – говорю я. – Просто... убежать. Это было так легко.

– И все же ты осталась с этим монстром.

Я грустно усмехаюсь и перевожу взгляд на Ролланда.

– Да. Чтобы защитить сестру, которую я даже не знала.

– Почему?

– Потому что, хотя я ни разу не видела ее, моя интуиция подсказывала мне, что ее цель была важнее моей, – мгновенно отвечаю я. – И оказалась права.

Ролланд снова вздыхает, встает и протягивает мне руку. Я беру ее, позволяя ему поднять меня на ноги. Он стоит, высоко подняв плечи, глаза у него такие же яркие, как у его единственного родного сына.

– Это честь, – говорит он. – Это верность без цели или личной выгоды.

– *Это* – Виктория Вега, Ролланд.

Тепло, окутанное чувством вины, зарождается у меня под ребрами, медленно распространяется по груди, беспокойство заставляет мой взгляд переместиться на второй этаж особняка, к окну, которое ведет в комнату одной маленькой девочки, и еще...

Он наблюдает – вижу я.

Глава 3

Кэптен

Она отпускает руку моего отца, ее глаза прикованы к моим.

Само ее существование приводит в бешенство.

Опьяняет...

Чертовски тревожит...

Я не знаю, что это такое и почему так, но между нами есть сумасшедшее притяжение, которое назревало с самого начала, и теперь, когда она живет с нами под одной крышей, я могу подозревать, что накал будет еще больше.

Мои глаза сужаются, и она наклоняет голову, не желая отводить взгляд первой.

Ненавижу, как мое тело реагирует на нее, но, что еще хуже, я ненавижу следующую мысль:

Она сводит меня с ума, черт возьми, но, боже, как мне свести с ума ее...

– На что ты смотришь, Пакман? – голос Рэйвен врывается в мои мысли. Она называет меня именем героя компьютерной игры, который жрет все подряд.

– Да так, на одну девушку в нашем дворе. Вроде она тебе

сестра, но совсем не похожа на тебя, то есть полная противоположность.

И правда, у Рэйвен длинные, гладкие, черные как смоль волосы, которые она недавно подкрасила фиолетовым, и каменно-серые глаза. Даже тон кожи у нее другой – светло-кремовый, контрастирующий с ее изогнутыми розовыми губами.

А у Виктории безупречный летний загар, который держится круглый год, глаза темные, а губы пухлые, и она постоянно держит их поджатыми.

Красятся они похоже: толстая черная подводка и много туши на ресницах – такой образ крутой рокерши, но на этом сходство заканчивается.

В Рэйвен все кричит о безрассудстве, а Виктория – воплощение цинизма.

Рэйвен не думает – она действует, а Виктория вечно прокручивает все в голове.

Рэйвен смеется по поводу своего внешнего вида: «Это потому, что я была обречена выглядеть как моя мать, пусть дьявол вечно жарит ее душу в аду».

Я поворачиваясь к ней.

Чуть больше месяца назад она вытряхнула прах своей матери в ручей около нашего дома, предоставив мерзкой женщине упокоиться в знакомом месте, хотя сама Рэйвен не считает, что ее мать заслужила это.

– Ты думала о ней? – спрашиваю я, и мой взгляд падает

на ее живот.

Она пожимает плечами, слегка хмурясь.

– Если беспокоиться о том, что я буду так же плоха, как она, во всей этой истории с ребенком, тогда да. – Она тяжело вздыхает и признается: – Каждую секунду, Кэптен.

– А что говорит Мэддок?

– Что я не она и никогда не позволю себе быть такой.

– Он прав, – соглашаюсь я.

Рэйвен хмурится еще сильнее.

– Она была наркоманкой, Кэп. Я курю травку, по крайней мере, курила до того, как залетела. Она продавала свое тело ради быстрых денег, а я позволяла бить себя за то же самое.

– Да ладно. Ты никому не позволяла бить себя, – усмехаюсь я. – Ты просто нашла способ позаботиться о себе, вышла на ринг и заработала немного денег своими кулаками, *победив*. Это далеко не одно и то же.

Ее губы сжимаются, и она отрывисто кивает.

– Поверь мне, Рэйвен Брейшо, ты будешь большим, чем твоя мать *когда-либо* могла быть. – Я хочу вселить в нее уверенность.

Она смотрит на меня с легкой улыбкой.

– Или умру, пытаюсь.

Не сомневаюсь, что она поступит именно так.

Мы смотрим друг на друга, и с каждой секундой черты ее лица смягчаются. Она наклоняет голову, зная, что мне есть что сказать, но сама спрашивать не будет. Ее интересует Вик-

тория.

Я помогаю ей:

– Как ты думаешь, почему наш отец сделал это для нее? Зачем позволил жить тут.

Она кивает, как будто ожидала этого вопроса, так что я угадал.

– Я столько раз прокручивала это дерьмо в голове, Кэп. Я была уверена, что все это ради того, чтобы присматривать за ней, отслеживать возможные неприятности, и только, понимаешь? – Она делает глубокий вдох. – Но теперь, когда я знаю, что он не полный придурок, – на этих словах я усмехаюсь, – я думаю, что он хотел дать ей шанс.

– На жизнь в аду, да?

Она сердито смотрит на меня.

– Перестань, Кэптен. Кто, черт возьми, знает, каково ей было на самом деле. Ты же видел шрамы у нее на животе, как и я. Мы даже не можем предположить, откуда они у нее.

Мои губы сжимаются при упоминании шрамов. Все вышло случайно. Несколько месяцев назад ее рубашка порвалась, что дало моим братьям, мне и Рэйвен увидеть то, что мы не должны были видеть. Виктория никогда не давала объяснений, а мы никогда и не просили объяснить. Я перебрал в уме все возможные варианты, но в нашем мире это может быть результатом чего угодно. Мои догадки могут быть просто смешными по сравнению с реальностью, и не то чтобы у меня был какой-то способ узнать.

– Я думаю, ей есть что рассказать, – говорит Рэйвен.

– Тогда почему, черт возьми, она этого не сделала?

Рэй тихо смеется:

– Спрашивает парень, который неохотно делится с нами своей обычной жизнью, а самыми сокровенными мыслями – только с бумагой.

Я хмурюсь и встаю перед ней.

– Почему она этого не сделала? – дразнит она, похлопывая меня по груди, и ее серые глаза встречаются с моими. – А как насчет того, *с чего бы* ей это делать? Может, она и живет теперь в большом шикарном особняке, но таким девушкам, как мы, роскошь не приносит комфорта.

– Что это значит?

– Это значит, что мы с ней отбросы, и мы это знаем. На случай, если мы когда-нибудь начнем забывать, общество всегда готово напомнить нам об этом. Мы хорошо понимаем, какие опасности несет надежда, так что... у нас ее нет.

С этими словами Рэй направляется к двери, и я провожаю ее взглядом, зная, что она остановится, чтобы добавить еще что-то, прежде чем уйти.

Она так и делает.

Ее рука ложится на дверной косяк, она стоит вполоборота и смотрит на меня.

– Доверие, Кэптен, – это, как правило, улица с двусторонним движением, но в нашем случае это четырехполосное шоссе с односторонним. Представь, что ты находишься за

его пределами.

– Рэйвен, но ведь ты сумела перебраться на другую сторону.

– И я совершала ошибки.

– Но в конце концов ты сделала бескорыстный выбор.

– Может быть, но я часто принимала опрометчивые решения.

– Ради нас, – подчеркиваю я.

Рэйвен пожимает плечами.

– А кто сказал, что она не сделала то же самое? Твой отец привез ее сюда, поместил в безопасное место. Она живет на вашей территории, в *вашем* городе. Может быть, она испытывает чувство преданности, сама того не сознавая. Или, может быть, она осознает, но признать это – вот это самое трудное. Все, что она знала о Брейшо, связано с человеком, который ее долгие годы воспитывал. Нелегко причинить боль одному Брейшо, когда не так давно ты хотела причинить боль другому.

Беспокойство сжимает мне горло, эта мысль никогда не приходила мне в голову.

А ведь правда, Виктория понятия не имела, что значит быть Брейшо. Все, что она знала, – это то, что Мерио сказал ей, чему научил ее. Да уж, это чертовски меняет мышление.

– Если она серьезно относится к изменениям в своей жизни, она в конце концов поговорит с нами, и она знает, что за этим последует. Мы ничего не скрываем друг от друга. – Уго-

лок ее рта при этих моих словах приподнимается в усмешке. – Кроме некоторых пикантных вещей.

Я смеюсь, и она тоже.

Когда за ней закрывается дверь, я падаю на кровать Зоуи, зная, что будет дальше. Если Виктория хочет остаться, ей нужно быть храброй.

Ей нужно прийти ко мне.

Она...

– Папа! – зовет меня Зоуи. – Иди уже сюда!

– Да, *папочка*, давай, или я нажму кнопку воспроизведения без твоего разрешения! – раздается следом крик Ройса.

Я хихикаю, хватаю одеяло Зоуи, за которым и пришел сюда, и иду смотреть фильм в компании моей маленькой девочки и шалопутного брата.

* * *

Как только я выхожу из комнаты Зоуи, Ройс оказывается наверху лестницы.

Я вопросительно смотрю на него, и он мотает головой, велая мне следовать за ним.

В гостиной Рэйвен сидит на диване, Мэддок рядом с ней, положив руку ей на бедро.

И никаких признаков Виктории.

Она могла пойти в свою комнату, пока я укладывал Зоуи спать, – все что угодно, лишь бы не столкнуться со мной в

коридоре.

– Что происходит?

Ройс ставит на кофейный столик игрушку «Хот Вилл», маленькую синюю спортивную машинку.

– У Зоуи такой нет, – говорю я, хотя они и сами знают это. – Где ты ее нашел?

– После фильма я пошел немного прошвырнуться. Она была у меня на капоте, когда я выходил из бассейна. – Он шевелит бровями. – Не волнуйся, я ничего не сказал ей, даже когда она набросилась на меня с одной определенной целью.

Рэйвен хихикает, и Мэддок бросает в сторону жены свирепый взгляд.

– Это просто игрушка? – спрашиваю я, зная, что Ройс уже ввел всех в курс дела, пока я был занят с Зоуи.

Ройс кивает.

– Стояла на клочке чистой бумаги. – Он бросает машинку на пол. – Так что я не стану отслеживать этого ублюдка за то, что он поцарапал мою машину.

Рэйвен наклоняется вперед, поднимает машинку и осматривает ее.

– Вот как тебе сообщают, что кто-то облажался и дерьмо нужно исправить? Подбрасывают кусочки головоломки и заставляют разгадывать ее?

– Просто нам доверяют читать между строк. *И*, – добавляет Ройс, поднимая палец вверх, – мы полагаем, это потому, что никто не хочет быть крысой.

Губы Рэйвен дергаются.

– А, ну да, теперь это имеет смысл.

Мэддок хмурится.

– Мы ни хрена не слышали. Ничего, кроме мелкого хулиганства в кампусе, с которым Мак сам справлялся, пока нас не было, – говорит он.

Мак – один из немногих, на кого мы можем положиться. Он работает на нас уже хренову кучу лет, но только недавно стал нашим доверенным лицом. Однако и до этого он был надежным другом.

– Именно в тот день, когда Ройс уезжает, внезапно происходит какое-то дерьмо? – продолжает Мэддок.

– Не похоже, что сюда толпами пускают людей, – говорит Рэйвен, глядя на него. – Так что, может быть, это был их первый шанс.

Я смотрю на Мэддока, но он ничего не говорит, глядя на машинку в руке Рэйвен.

Она передает ее мужу, и его взгляд встречается с моим.

– Я могу вспомнить только одну синюю спортивную машину, брат.

– Джейсон Роу.

Он кивает и переводит взгляд на Ройса.

– Кто это, черт возьми? – Рэйвен, прищурившись, смотрит на Мэддока, и на его губах появляется намек на ухмылку.

Ройс смеется.

– Вау, ты не помнишь? Вы с ним пересеклись через

несколько недель после того, как ты попала в нашу школу. Этот парень попросил разрешения прийти на нашу стоп-лайт вечеринку, и ты появилась в зеленом, когда тебе велено было надеть красное. – Рэйвен, слушая его, широко улыбается. – В ту ночь Мэддок вышел из себя и предъявил права на твою задницу... ну и на прочее, да?

Она смеется, закидывая ноги на валик дивана.

– Все было немного по-другому, но да, я помню.

– Так вот. Это был Джейсон мудака Роу из нашей баскетбольной команды.

– Он что, тебе не нравится?

– Да ладно, Рэй-Рэй, – дразнит Ройс. – Нам никто не нравится.

– Верно, – ухмыляется она. – Итак, что теперь?

– Сезон закончился несколько месяцев назад, – говорю я, бросая взгляд на Ройса.

Телефон уже у него в руке.

– Я звоню Маку.

Мэддок с ухмылкой поворачивается к Рэйвен.

– Пора нам собрать мальчиков для игры.

– Да... – Я обрываю себя, потому что слышу голос:

– Зоуи это понравится.

Наши головы поворачиваются.

Виктория...

Ройс вскакивает на ноги, но ее это не останавливает. Она выходит из бильярдной и направляется прямо к нам.

Рэйвен берет машинку из рук Мэддока и кладет ее в карман худи, не сводя глаз с Виктории, которая даже не вздрагивает при приближении Ройса.

– Ты либо чертовски умна, либо чертовски тупа, детка, и я должен сказать, что склоняюсь ко второму. – Он встает перед ней. – Может быть, Мейбл притворялась, что не видит, как ты прячешься по углам и шпионишь за всеми, но это не то место. Ты вылетишь отсюда так же быстро, как и пришла, и я еще не говорю о твоих шаловливых мыслях о Кэпе.

Виктория лениво моргает, она уже привыкла к манере Ройса «нападай первым».

Ее глаза скользят к моим.

– Зоуи с удовольствием посмотрела бы, как ты играешь.

Моя кровь закипает, и ядвигаюсь вперед.

– Ну, это было чертовски храбро, Вик-Ви. – Ройс называет Викторию тупым прозвищем, которое он придумал для нее, и отступает, прекрасно зная, что ему сейчас лучше держаться подальше.

Она наклоняет голову, но карие глаза ждут ответа.

– Я не уверен, что ты понимаешь ситуацию, – говорю я. – Ты в этом доме не потому, что заслужила. Ты здесь, потому что мы не можем доверять тебе вне его. Мы не можем позволить тебе болтать о вещах, о которых город еще не знает, но если ты попытаешься указывать мне, что делать с *моей* дочерью, как будто ты знаешь лучше *меня*, я вышвырну тебя так быстро, что у тебя закружится голова. – Я подхожу

вплотную, и она втягивает губы. – И я говорю не о том, что ты покинешь этот дом, а о том, что тебе придется убраться из нашего города.

– Можешь попробовать, – отвечает она.

Боковым зрением я замечаю, как Мэддок поднимается на ноги.

Толкаю Викторию, но она не двигается с места, ее подбородок приподнят, она смотрит мне в глаза.

– И что ты будешь делать, а? Как ты меня остановишь, Кэптен Брейшо?

Ее рука опускается на мое предплечье, такое чувство, что она пытается успокоить меня своим прикосновением, своим взглядом... как будто у нее есть на это право.

Моя челюсть напрягается.

– Я не веду себя злобно, нагло или как-то еще, в чем ты пытаешься убедить себя, – говорит она так, чтобы слышал только я.

Черт возьми, если это не хуже, чем если бы она выкрикнула свои слова мне в лицо.

Я говорю так же тихо:

– Ты ничему не научилась, Виктория? – Когда ее глаза напрягаются, я продолжаю: – Ты хочешь вести себя так, как будто знаешь нас, но что же тогда ты шепчешь? Разве ты еще не поняла, что у нас это не работает? У нас нет запретных тем для разговоров, мы ссоримся, мы трахаемся там, где нам нужно и когда нам нужно. Мы *не прячемся* друг от друга. –

Мои глаза начинают дергаться. — Ты *солгала*, что знаешь мою дочь, и ты смеешь говорить мне, что, черт возьми, с ней делать, как будто твое гребаное мнение, высказанное шепотом, имеет значение. — Я сбрасываю ее руку и делаю шаг назад. — Так вот, никакого значения оно не имеет.

Она облизывает губы, а когда я отхожу, мне в спину летит: — Будет иметь.

Мои глаза выпучиваются, и будь я проклят, если меня не поразили ее слова.

Да она просто сумасшедшая.

Мэддок, открыв рот, садится на диван, Ройс застыл, а Рэйвен наклоняется вперед, наблюдая.

Если Виктория и замечает наше удивление, она этого не показывает.

Она подходит ко мне, и ее рука взлетает, чтобы схватить меня за подбородок и притянуть к себе. Ей хочется видеть мои глаза.

Сердце тяжело колотится в горле, когда я смотрю сверху вниз на эту девушку... которая все испортила.

Меня бесит, что я хочу тебя, красавица...

— Я никуда не собираюсь, но у меня такое чувство, что если бы я попыталась исчезнуть... ты бы остановил меня.

Сильное напряжение сковывает мои лопатки.

— Если ты думаешь, что я буду преследовать тебя, ты ошибаешься. Я сказал, что хочу трахнуть тебя, Виктория. Я ни черта не говорил о том, что хочу тебя. Разница большая.

– О, но ты хотел, Кэп. – Ее щеки краснеют от гнева. – За несколько минут до того, как твоя дочь подбежала к тебе в сад, ты ясно дал понять, чего хочешь.

Я заглушаю ее слова смешком, стараясь не замечать легкого прищур в уголках карих глаз.

– Хочу? – Моя усмешка далека от игривой. – Я сказал, что *хочу* тебя, красавица? – Я заставляю себя небрежно скользнуть по ней взглядом. – Хочу, но не твое сердце, не твою душу, не *тебя*. Мое желание – это где-то глубоко в паху, подстигаемое теплым телом, с которым я могу поиграть.

– Ну и кто теперь лжец? – не сдается она.

Я ухмыляюсь сквозь гнев.

– Держись за эту частичку уверенности, и тебе будет хорошо, когда я разорву ее на куски.

Что-то тускнеет в ее взгляде, но она быстро справляется.

– Я и не знала, что ты такой мудака.

– О да, ты совсем меня не знаешь. – Мое дыхание опалает ее лицо. – Не прикасайся ко мне. Не разговаривай со мной. Но главное – *не смотри на нее*.

Это ее заводит, напряжение мгновенно искажает ее черты, и впервые за сегодняшний вечер я вижу беспокойство.

– Ты хочешь, чтобы я бегала от трехлетнего ребенка? Отказать ей? Игнорировать ее, если она позовет меня?

– Ей два года. И – да.

– Через три месяца ей исполнится три, и твое «да» – это несправедливо, – парирует она.

Я тесню ее, и она, споткнувшись, отступает на шаг назад.

– *Справедливо* – это мнение, а твое мнение здесь так же бесполезно, как и твое слово.

Она плотно сжимает губы, прежде чем сказать:

– Что случилось с самым логичным из Брейшо, который умеет управлять своим гневом?

– Видимо, я был ослеплен блондинкой, – вылетает у меня.

Она проводит языком по зубам и отводит взгляд.

– Верно...

Я смотрю на нее, думая об одном: я не могу допустить, чтобы она бродила по коридорам дома, где может столкнуться с моей маленькой девочкой. В пятницу в нашей школе начались каникулы, так что в течение следующих семи дней, пока мы впятером не вернемся в школу, ей негде перекантоваться.

Меня это не устраивает.

Поэтому, когда она проходит мимо меня, я пропускаю ее, позволяя ей думать, что наш разговор окончен, но тут же добавляю:

– Не выходи из своей комнаты на этой неделе, если только не захочешь вылететь со скоростью света. Не должно быть никаких признаков твоего существования.

Она колеблется секунду, прежде чем подняться по лестнице и исчезнуть из виду.

Убедившись, что она ушла, я делаю глубокий вдох и поворачиваюсь к остальным.

Рэйвен ухмыляется, а мои братья еле сдерживают смех.

Они знают, что я нагло, черт возьми, солгал насчет природы «хочу», но ей нужно попотеть, а мне нужен знак, что ей не наплевать. Реальный шаг, а не замаскированный под повестку дня или совершенный из страха.

Проблема в том, что в нашем мире трудно отличить одно от другого.

Правда всегда приходит в самый неподходящий момент... как три года назад, когда я заставил себя забыть о предательстве девушки, которую слишком близко подпустил к себе.

Мэллори здорово меня запутала.

Это полное дерьмо, но предательства Виктории вполне следует ожидать.

Мои братья и я, мы знаем правила игры.

С правдой приходят неприятности.

А неприятности – это то, во что мы ввязываемся с самого рождения.

Мы – лидеры, это наша судьба. Нас вырастил человек, возложивший на себя заботу о нас вместо наших родителей, которым не посчастливилось выжить и посмотреть, кем мы стали.

Неудержимые, несокрушимые.

Брейшо.

– Э-м-м, кому-нибудь интересно посмотреть фотку, на которой Трейси Паркс демонстрирует сиськи? Я достал ее сегодня вечером, – спрашивает Ройс, снимая напряжение и вы-

зывая у нас смех.

Двадцать минут спустя я принимаю душ, захожу в комнату моей малышки, поднимаю ее с кровати, несу через коридор в свою комнату и укладываю рядом с собой на постели.

Она крепко спит, обнимая свой маленький игрушечный поезд.

Я укутываю ее одеялом и смотрю на совершенное личико.

Я буду любить тебя всегда и защищать тебя изо всех сил, моя маленькая Зоуи.

Несмотря ни на что.

Глава 4

Виктория

НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ НИКАКИХ ПРИЗНАКОВ ТВОЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ...

Не так давно я бы умоляла о таком приказе из его уст; последнее, чего я хотела, – это смотреть Брейшо – любому из них – в глаза и трястись, что они увидят правду в моих.

Теперь это раздражает, и все, к чему я раньше стремилась, но чего больше не точно хочу, – это быть невидимой.

Надо же, какая ирония судьбы!

В течение следующих четырех дней я делаю, как меня просят: не попадаюсь им на глаза, ухожу рано, прихожу поздно. Когда они видят меня, они, конечно же, не разговаривают, только бросают косые взгляды, которые мне остается расшифровывать, но мне все равно.

Я делаю как велено, и даже не хмурюсь, делаю с высоко поднятой головой и все такое прочее.

Я все еще живу под их крышей, не так ли? И мне удастся засыпать и просыпаться в целости и сохранности.

Но я почти уверена, что они следят за мной.

Вне дома я занимаю себя тем, что вырываю сорняки из

цветочных ящиков у школы; дело бесконечное, ящиков полно, и на многих еще не сорваны бирки. Но сегодня я выбралась в город вместе с Нирой. Едва мы сели за столик у бургерной, Нира прошептала:

– Внимание, Брейшо на горизонте.

Поворачиваюсь, чтобы посмотреть, и вот они – подъезжают в своем черном «Денали», одном из трех в городе. Два других тоже их.

Мне всегда казалось странным, что братья ездят на одинаковых машинах, но теперь я понимаю. Так они дают знать, что Брейшо едины. Не важно, кто сидит за рулем навороченного внедорожника, Брейшо есть Брейшо.

Ройс спрыгивает с пассажирского сиденья и мгновенно сканирует взглядом окрестности, затем с ухмылкой смотрит на меня. Кэптен выходит со стороны водителя.

Брат Кэптена, как всегда, самоуверен до наглости. Подтаскивает один из стульев, садится верхом и тянется схватить жареную картошку с моего подноса.

– Вик-Ви, – с ухмылкой говорит он вместо приветствия, затем смотрит на Ниру. – О, девочка из общаги.

Она натягивает улыбку и сосредотачивается на своей содовой.

– Так как дела, Вик-Ви? – Ройс наклоняется вперед, упираясь локтями в столешницу. – Ловишь ультрафиолет?

– Убиваю время. – Я приподнимаю бровь, и его ухмылка становится шире.

– Вот и умница.

Закатываю глаза и откидываюсь на спинку стула.

Мой взгляд скользит за его плечо; Кэптен приближается, но он не смотрит на меня, идет к стойке бургерной сделать заказ.

Нира толкает меня локтем, но мне не нужно смотреть, на что она показывает. Это – самый центр города, тут полно людей, преимущественно студентов, а тут двое из парней Брейшо.

Конечно, они пелятся.

Горожане уже несколько недель не видели *парней Брейшо*, разве такое можно вынести? А тут – вот они.

Да здравствуют короли!

– Смотрите-ка, прямо в стаю сбиваются, как голодные утята, – подмечает то же самое Ройс. Как это ему удастся? – ведь он ни разу не отвел от меня глаз. – Десять минут, и в этой занюханной бургерной не останется ни одного свободного места.

Сказав это, он встает и добавляет еще три стула к моему – *нашему*, я полагаю – столу.

Нира вскакивает и убегает.

– Увидимся, Ви, – кричит она.

Я хмуро смотрю ей вслед, кивая, хотя она уже исчезла из поля зрения.

– Да... – Ройс хихикает, вытаскивая телефон из кармана. – Мы, несомненно, оказываем большое влияние на людей.

Я снова закрываю глаза, моя голова поворачивается влево, и я вижу, как задняя дверца внедорожника открывается и оттуда вылезает улыбающаяся Рэйвен, таща за руку своего мужа.

Она громко смеется, когда он свирепо глядит на нее.

– Посмотри на это, Вик-Ви, – язвит Ройс. – Видишь лицо недовольного ублюдка?

– Ну и что это значит?

– Это значит, что он получил только половину того, чего хотел его член. Поняла? – Он ухмыляется.

На улицу с двумя подносами выходит Кэптен. Он смотрит на брата и ставит подносы на стол. Конечно, он выбирает место подальше от меня, оставляя освободившееся место Нирры пустым. Рэйвен садится слева, а Мэддок – рядом с ней.

– Привет! – Рэйвен на мгновение встречается со мной взглядом, а затем смотрит на ухмыляющегося Ройса. – Что еще?

– Маленький Здоровяк в твоем животе встает на пути у папочки? Больше никакой любви на заднем сиденье?

Она борется со смехом, а Мэддок толкает Ройса.

– Заткнись, ублюдок. Она надела мое худи не просто так.

Мой взгляд падает на ее живот. И верно, они ведь еще не сообщили городу, что она беременна. Я думаю, худи помогает, но не сильно.

– Чувак, слухи быстро распространяются.

Мы оглядываемся и видим Мака и его подружку Хлою,

идуших к нам.

Супер.

На лице Хлои появляется широкая улыбка, ее пятидюймовые каблуки грохочут при каждом шаге.

– Срань господня! – Хлоя бросается к Рэйвен. – Ты показываешь...

– Заткнись, – обрываю я ее в ту же секунду.

Взгляд Хлои встречается с моим, а я ухмыляюсь, когда Рэйвен отбрасывает руку, тянущуюся к ее животу.

Глаза Хлои расширяются, и она поднимает ладони.

– Прости. Твой мини-арбуз...

– Ей нравится называть это баскетбольным мячом, – бросает Ройс.

– Это не мяч, – злобно смотрит Мэддок.

– О, ты это сказал, – нахально говорит Хлоя, скрещивая руки на груди. – А чего ты ожидала, Рэй? Знаешь, я буду не единственной, кто попытается это сделать со временем, твой пример меня вдохновляет.

– Остынь, – говорю я.

Голубые глаза Хлои устремляются на меня, и ее губы складываются в стервозную улыбку.

– С тобой никто не разговаривал.

– А твоего мнения никто не спрашивал. – Слова слетают с моих губ, и я наклоняюсь вперед. – Ты думаешь, что раз ты прокралась на свадьбу, а потом поимела одного из Брейшо на афтепати, полагаю, в одной постели с Маком, то те-

бе вдруг все стало можно? Всего несколько месяцев назад *ты* пыталась настроить против Рэй свое маленькое жалкое окружение, и она сделала тебе модную короткую стрижку, которую ты сейчас носишь. Тебе повезло, что кто-то за этим столом вообще заговорил с *тобой*.

Хлоя была пчелиной маткой школы Брейшо до того, как пришла Рэйвен и заняла это место штурмом. Каких-то два месяца назад Хлоя ненавидела Рэйвен за то, что она украла ее популярность, но Рэй было насрать на ее мелкие игры. Хлоя не из тех, кому можно доверять, но ей дали передышку, которую, на мой взгляд, она не заслужила.

Ее глаза сужаются.

– Что было, то прошло.

– Это так просто, правда?

Глаза Рэйвен встречаются с моими, но я лишь на мгновение отвожу взгляд от наглой девицы, которая думает, что ей удастся проскользнуть на место рядом с Брейшо. Конечно, у нее был тройничок с Ройсом, но не с Кэптеном, и все же.

Нет.

И тут Рэйвен говорит:

– Ви права, Хлоя. Я не справлялась с твоим дерьмом раньше, и я не уверена, что не смогу справиться с ним сейчас, когда я постоянно на нервах.

– Не хочу тебя огорчать, Рэй, но в этом нет ничего нового, с беременными всегда так. – Она пожимает плечами, затем ее глаза расширяются, и она смеется. – Прости. Я обязательно-

но поработаю над своим сучьим характером.

Я усмехаюсь, и она поджимает губы.

– И может быть, тебе стоит держать свою сторожевую собачку поближе, – издевается она надо мной. – Если ты не хочешь, чтобы тебя кто-то задевал.

Рэйвен расправляет худы, чтобы мягкая трикотажная ткань не облежала ее фигуру.

– Я почти уверена, у меня на лице написано: не прикасайтесь ко мне, черт возьми.

– Это просто то, что делают люди, когда кто-то...

– Потихе, мать твою, – встречается Мэддок, тон у него угрожающий.

– Хорошо, извини, – шепчет Хлоя. – Хотя это правда, люди обычно хотят почувствовать, как шевелится ребенок.

– Еще даже я не почувствовал, как шевелится ребенок, – одновременно говорят Мэддок и Ройс.

Они тут же поворачиваются друг к другу, Мэддок смотрит злобно, Ройс широко улыбается. Кэптен и Рэйвен хихикают, обмениваясь взглядами, а я заставляю себя не участвовать в этом веселье.

Все это происходит на моих глазах, и мне трудно справиться с этим дерьмом. Признаюсь, больше всего я завидую простым отношениям этой четверки, их быстрым понимающим взглядам и ухмылкам. Разговоры без слов – ведь так это называется?

Когда стул напротив царапает асфальт, я поворачиваю го-

лову и вижу Мака. Хлоя, стоявшая до сих пор, садится рядом с Кэптеном.

Могла бы сесть рядом со своим парнем.

– Что-нибудь едкое на твоём грязном маленьком язычке, Вик-Ви? – дразнит меня Ройс.

Я прячу эмоцию, скользнувшую по моему лицу, и пожимаю плечами, не потрудившись отвести взгляд от Хлои.

Нахалка Хлоя переводит взгляд с меня на Кэптена, её глаза сияют.

– О-о-о... какую драму я пропустила?

Я моргаю. И стучу пальцами по столу.

– Прекрати.

Она вскидывает голову, и я знаю, что она готова наговорить какую-нибудь чушь, но Мак наклоняется, шепчет ей что-то на ухо, она откашливается, натянуто улыбается, а затем объявляет, что сходит взять что-нибудь выпить.

Между оставшимися завязываются разговоры. Обалдеть, как будто меня здесь вообще нет.

Как будто меня не существует.

Если бы сейчас был кульминационный момент, я бы с уверенностью сказала, что их трюк не удался, потому что демонстративный игнор не влияет на меня так, как они, вероятно, надеялись.

А что? Я не новичок в том, чтобы быть аутсайдером, – бывало, я неделями сидела как в вакууме, со мной никто не разговаривал, ко мне никто не подходил. Такое обращение

вряд ли можно назвать наказанием. И... наказан скорее один из Брейшо. Он все время молчит, а молчание бывает оглушительным.

Я причинила боль Кэптену Брейшо?

Он как будто почувствовал мои мысли, его взгляд скользит в мою сторону, но я смотрю на Мака.

– Четвертый столик слева от Виктории, – говорит Мак, обращаясь к Ройсу. – Видишь тех двоих? Уже четвертый раз за неделю они пересекают мост.

Ага, понятно, мост, ведущий на территорию Брейшо. Они говорят о парнях из школы Грейвен, которые были сторонниками теперь уже павшей семьи. Придурки без лидера, который мог бы, в случае чего, наставить их на путь истинный... или вбить в них немного здравого смысла, когда они на пустом месте чувствуют себя храбрецами.

– Дерзкие маленькие засранцы, – челюсть Ройса сводит судорогой.

– Они встают, – говорит Рэйвен в свою чашку. – И их ше-стеро.

– Они знают, почему мы здесь. – Кэптен облизывает губы. – Слетелись, как гребаные панки, как только мы припарковались.

Ройс кивает и кладет телефон на стол.

– Эти придурки ничего толком не умеют.

Кэптен обдумывает ситуацию, его голова лихорадочно работает, секунда за секундой прокручивая все возможные

сценарии, а рука незаметно скользит под стол.

Мой пульс тяжело стучит в ушах, желудок сжимается. Я знаю, что по пальцам Кэптена сейчас скользнул тяжелый кусок металла. Он сжимает кулак один раз, проверяя то, что и без всякой проверки идеально сидит у него на пальцах; теперь его кастет наготове, и рука свободно опущена вдоль тела.

Пальцы Ройса крепко сжимают край стула, на котором он сидит, глаза устремлены в никуда, но он все видит, тело напряжено, нога дергается в предвкушении.

Эти мальчики слишком долго сидели в клетке.

– Рэйвен. – Голос Мэддока глубокий и низкий, предупреждающий.

– Я знаю, Здравяк. – Она накрывает рукой ключи на столе, и ее глаза поднимаются на меня.

К нам приближается группа из шести парней, которых я не видела раньше. Ройс ждет той секунды, когда они ступят на то место, которое ему нужно. И вот уже стул летит в сторону и вверх, окатив двоих трухой из дешевого пластика. От удара они падают, кровь льется с их лиц, и мы все одновременно вскакиваем на ноги.

Кэптен загоразивает меня, и я внезапно оказываюсь в конце его тени. Затем тень растет, я поворачиваюсь и вижу здорового парня, стоящего прямо за мной. Но ничего не происходит. Быстро летают кулаки, и я вижу, что это кулаки Кэптена. Он перемещается ловкими, уверенными движе-

ями, наклоняется, когда нужно увернуться от удара, кулак летит, чтобы отбросить очередного мудака назад, и он лягает того, кто на свою голову подкрадывается ближе.

Слышу треск костей – и мне это не кажется, – капли крови летят по воздуху и падают на мой рукав, голова очередного парня, получившего под подбородок, отлетает в сторону. Кэптен не позволяет ему просто упасть – он ловит его и вырубает ударом колена.

И снова он бьет направо и налево.

Ройс ударяется спиной о край стола, он застигнут врасплох, но быстро выкручивается – отскакивает назад и начинает быстрее молотить кулаками.

Рэйвен ругается рядом со мной, и меня охватывает паника, глаза устремляются к ней. Она же беременна...

Она отвечает на мой взгляд, и я вижу в ее лице то, чего раньше не замечала: нечто гораздо большее, чем гнев. То, что спрятано под ее худи, сейчас важнее всего, и это самое важное может попасть под удар.

Подхватив ключи, она несется к внедорожнику. Мэддок поворачивает голову в ее сторону, ему важно убедиться, что с ней все в порядке.

Когда дверца захлопывается, он расслабляется и пропускает правый хук. Он ухмыляется, сплевывает кровь и снова начинает работать кулаками.

Я подпрыгиваю, когда чье-то тело приземляется на стол. Поднимаю голову и встречаюсь глазами с Ройсом.

– Рэйвен? – кричит он.

– В машине. Берегись! – визжу я.

Кэптен ловит за руку придурка, который пытался ударить Ройса стулом. Вслепую перебрасывает стул через голову и в ту же секунду бьет парня головой в грудь. Когда тот отлетает, Кэп злобно смотрит на меня.

– Убирайся отсюда!

Но я, вместо того чтобы подчиниться, переворачиваю стол и подставляю одному из парней подножку, отправляя его прямо на кулак Ройса.

Шестеро мудаков медленно поднимаются на ноги, помогая друг другу сохранять равновесие.

– Вы сцепились с Брейшо, ублюдки, – бросает им Ройс, и парни ковыляют прочь. Не нужно ни слов, ни угроз – они знают, что посрамлены, и больше здесь не появятся.

Затем, как ни в чем не бывало, Кэптен поднимает перевернутый стол, Ройс расставляет стулья. Мэддок направляется к внедорожнику, чтобы забрать свою ненаглядную, а Мак исчезает внутри закусочной.

Не проходит и пяти гребаных секунд... как мы видим Джейсона Роу, его девушка Тиша крепко зажата у него под мышкой.

Мои мышцы напрягаются, я бросаю взгляд на Кэптена.

Он не торопится, отдавая должное бывшему товарищу по команде.

В воздухе чувствуется напряжение, но оно не похоже на

то, что было минутами раньше.

Да уж эти ребята – Брейшо, и рядом с ними невозможно искать спокойствия. К тому же у них все еще кровь на костяшках пальцев.

– Чертовы Брейшо, – дразнит Джейсон, наверняка видевший драку. – Надрали им задницу.

– Они знали, что так будет, – замечает Ройс с усмешкой, и я не уверена, что Джейсон осознает злость, которая за ней скрыта.

Джейсон смеется, встречаясь взглядом с Мэддоком.

– Почти не поверил, что ты вернулся, когда Мак пригласил меня на игру.

– Только дурак будет сомневаться в нашем парне, не так ли, Мак-Мани?

Большой палец Ройса поднимается, чтобы коснуться ссадины на губе; не сомневаюсь, он делает это, чтобы продемонстрировать окровавленный кулак.

– Ага, – кричит Мак где-то позади меня.

Джейсон натянуто ухмыляется, рука вокруг Тиши напрягается.

– Итак, в субботу, да?

Кэптен кивает, глядя на Мэддока и Ройса.

– Черт возьми, да, братан. – Ройс протягивает руку и стучается с ним костяшками пальцев. – И да, прошло слишком много времени с тех пор, как мы хорошенько надрали друг другу задницы на площадке.

Я вижу напряжение в его темных глазах. Да он и не скрывает его, потому что это Ройс. Все, что можно сделать, это принять его таким, какой он есть, и балансировать на грани, пока он не отступит. Прямо сейчас он просто сгусток адреналина, ожидающий, чтобы вырваться на свободу.

– Приведешь свою? – спрашивает Джейсон Мэддока, кивая в сторону Рэйвен.

Мэддок смотрит на него не мигая, и Джейсон облизывает губы.

Он снова говорит, унижая свою девушку при всех:

– Вот думаю, брать эту курицу или нет.

Ублюдок.

Мэддок поднимает подбородок; никто и не заметил, как он переместился, чтобы прикрыть живот Рэйвен.

– Эй, если хочешь, так приводи ее, – Ройс сует телефон в карман и пожимает плечами. – Чем больше, тем, черт возьми, веселее.

– Да, конечно. Посмотрим. – Джейсон кивает, и они с Тишей уходят.

Мы молча смотрим им вслед. Мак тоже, но он видит только мирно попрощавшихся парней.

У Брейшо есть уникальная способность держать тон, который они хотят, и ни один мускул на их лице при этом не дрогнет.

Пара парней, мирно попрощавшихся друг с другом.

Я подавляю улыбку, качая головой.

Как ни в чем не бывало, Ройс садится, остальные тоже устраиваются на своих местах.

Я смотрю на Кэптена, но он отводит взгляд.

Замечаю, как взгляд Рэйвен скользит по посетителям бургерной. Они тоже начинают возвращаться на свои места, и ни одна душа не осмеливается взглянуть в нашу сторону.

Рэйвен наклоняется и шепчет мне на ухо:

– Еще один день в компании с Брейшо.

Я киваю.

Одно можно сказать наверняка: если у кого-то из горожан и было хоть малейшее предположение, что парни Брейшо ослабли, пока были не у дел, то больше такого нет.

Только тут до меня доходит, для чего Брейшо появились здесь сегодня.

Они знали, что эти парни придут сюда, и они знали, что Джейсон тоже будет.

Убили сразу двух зайцев.

Хлоя наконец выходит к нам с подносом, полным напитков. Она садится и улыбается:

– Вот *это* и было возвращение Брейшо.

Все смеются, и я ничего не могу с собой поделать – смеюсь вместе с ними.

Глава 5

Виктория

Прошло несколько часов с тех пор, как мой скучный день был скрашен появлением Брейшо, – несколько часов с тех пор, как мы все встали из-за стола и покинули бургерную. Они сели в свой крутой внедорожник, а я направилась в противоположную сторону, пешком.

Мои ноги ноют от бессмысленной ходьбы, и я устала от того, что мне нечем себя занять, кроме как думать... о Брейшо.

Слава богу, солнце наконец-то село, и его место заняла луна, указывая на то, что мне уже можно вернуться в особняк.

По крайней мере, я так думала, но стоит мне подойти ближе, приятный дымный аромат обволакивает мое горло, и я замедляю шаги.

Вдалеке, справа от особняка, мерцает пламя.

Они на улице.

Надеюсь, что только они.

Но моя надежда рушится, когда я добираюсь до конца грунтовой дорожки.

Драгоценный смех наполняет мои уши, смех, по которому я скучала больше, чем могу рассказать. Да и кому рассказывать?

Я напрягаюсь, закрываю глаза и делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться.

Зоуи смеется громче, за этим следует громкое «и раз, и раз».

Из меня вырывается смешок, но я все еще не осмеливаюсь открыть глаза. Прислоняюсь к дереву и прислушиваюсь.

Зоуи понятия не имеет, что означает *и раз*, но это ее не останавливает. Она повторяет то, что слышит, как это делают многие малыши, и я знаю, что она связывает это с броском мяча в корзину.

Смех Кэптена разносится совсем рядом, и в основании моего горла образуется комок.

Я думаю, Ройс был прав.

Открываю глаза и встречаюсь со взглядом Мэддока.

Он стоит, скрестив руки на груди и склонив голову набок.

– Ты и правда глупа.

Я сглатываю, но мой голос все еще звучит хрипло:

– Я просто выполняю приказы.

До нас доносится взрыв смеха, и в моем животе затягивается узел, а под ребрами растекается боль.

Мэддок прищуривается и делает шаг ко мне. Он изучает меня долгое мгновение, и я бы осмелилась сказать, что удивление – это то, что делает его взгляд острее.

– Ты любишь эту маленькую девочку, – он говорит это утвердительно.

Вероятно, он знает то, что знаю я: могущественные люди находят удовольствие в том, чтобы забрать самое дорогое у тебя. Жить в относительном мире с ним – значит надеть ошейник на собственную шею и быть послушной.

Глаза Мэддока смотрят в сторону, откуда доносится смех, но не могу заставить себя посмотреть туда же.

– Эта игра в субботу... – говорит он. – Там не место для нее. И более того, это означало бы показать ее городу, но Кэптен еще не готов поделиться ею. – Мэддок поворачивается ко мне, его хмурый взгляд встречается с моим. – Ты должна была понять это.

– Я лишь имела в виду, что она хотела бы посмотреть, как играет Джейсон...

– Это ничего не меняет. Никогда не говори, не подумав, никогда не двигайся, пока не поймешь зачем. Ты должна была знать это дерьмо. Не заставляй нас вредить тебе.

– Разве это не то, чего вы хотите?

– Ну вот, ты опять прикидываешься дурочкой. – На его лице написано раздражение. – Ты думаешь, у отца не разрывалось все внутри, когда он ушел от тебя, зная, что ты была одна после того дерьма, которое произошло? Никакой защиты, некому прикрыть твою спину, да? – Он покачал головой. – Ты же знаешь, что мы упрямые... упрямые и недоверчивые. То, что мы хотим, дается нам нелегко, и это означа-

ет, что наши подружки должны шевелить лапками в два раза усерднее, чтобы прорваться, быть в два раза сильнее других. Другого пути нет.

– Я не ищу халявного пропуска в вашу жизнь.

– Тогда вонзи поглубже свои когти, – усмехнулся он. – И не вздрагивай, когда польется кровь.

Будь сильной, сражайся – тут он на моей стороне.

Глаза Мэддока сужаются, он держит паузу, прежде чем снова заговорить:

– Я могу быть всем для Рэйвен, я могу дать ей каждую гребаную вещь, которую она когда-либо хотела, но этого недостаточно. Я хочу, чтобы у нее было больше. У нее никогда не было друзей. Мы были ее первыми друзьями. А ты... Она потянулась к тебе еще до того, как узнала, что ты ее сестра. Не знаю, может, это зов крови... Теперь все зависит от тебя – стань ее подругой, будь той, в ком нуждается мой брат... Будь вся целиком для нашей семьи или убирайся, черт возьми.

Мэддок снова посмотрел в ту сторону, откуда доносились крики и веселый смех. Когда он обернулся ко мне, его лицо было серьезным.

– Кэптен должен понять, что ты значишь для Зоуи... Тогда все изменится.

Мои брови вопросительно приподнимаются, а он громко кричит: «Йо-хо», привлекая внимание своих братьев, Рэйвен и...

Три улыбки исчезают в одно мгновение, но четвертая... с каждой секундой она становится все шире, и мое сердце вздрагивает.

Привет, мальшика.

Мэддок тихо говорит мне:

– Я сделал это не для тебя, и я не буду повторять то, что уже сказал.

Он идет к своей семье; они застыли как истуканы, но шок быстро сменяется злостью, когда Зоуи роняет мяч и несется прямо ко мне. На ее хорошеньком личике сияет ослепительная улыбка, светлые кудряшки подпрыгивают, и она не замедляет шагов. Кэптен потребовал, чтобы я не общалась с ней, но я не могу послушаться его.

Быстро выхожу из тени и протягиваю руки, чтобы она могла прыгнуть прямо в них.

– Рора! Рора! Рора! – Зоуи смеется, возбужденно потираясь носиком о мой нос. – Ты видела, Рора? Я сделала это!

Слезы угрожают политься по щекам, поэтому я быстро киваю.

– Я не видела, Зо-Зо, но ты молодец, – шепчу я.

– Папа сказал: молодец, Зои! – говорит она с искорками в голосе.

Я смеюсь – она все еще не может правильно произнести свое имя.

– Уверена, он был так рад.

– Ага! – Она брыкается, чтобы я опустила ее.

В ту секунду, когда ее ноги касаются травы, Зоуи сжимает мой палец, и я стараюсь не напрягаться.

– Пойдем, Рора! – она тащит меня за собой.

Не имея выбора, я заставляю себя посмотреть Кэптену в глаза.

Если бы это было возможно, из него бы валил пар – он просто кипит от злости. Я собираю все свои силы, чтобы удержать ее маленькую ручку.

Девчушка переводит на меня взгляд, и в ее сине-зеленых глазах я вижу замешательство. Сглатываю, опускаюсь перед ней на колени и сквозь боль в груди говорю:

– Я не очень хорошо себя чувствую, Зо-Зо. – *Ложь, ложь, ложь.* Ложь единственному человечку, с которым я могу быть честной. – Я должна идти, чтобы потом чувствовать себя лучше.

– О, нет. – Зоуи кладет ладошки на мои щеки. – У тебя ранка?

– Да, – киваю я, и мои руки поднимаются, чтобы накрыть ее пальчики. – Да, у меня ранка.

– Папа полечит ее?

У меня перехватывает горло, я не могу смотреть ей в глаза.

Зачем Мэддок сделал это? Зачем позвал их?

Бросаю взгляд в его сторону, но он смотрит на Кэптена, а Рэйвен сосредоточена на Зоуи. Зато Ройс уставился прямо на меня.

Зоуи неохотно отпускает ручки, и на ее лбу появляется морщинка, когда я поднимаюсь на ноги.

– Папа, полечи ее, – говорит она немного тверже.

– Нет, Зо-Зо. Мне нужно идти, – одергиваю ее я.

Она качает головой, снова хватая меня за руку и тянет.

– Нет, нет! Папа, сделай это. Ну давай же.

Вот дерьмо.

– Я не могу. – Я осторожно высвобождаюсь, и она непонимающе смотрит на меня, убирая с лица кудряшки. – Рора должна...

– Иди сюда, Зоуи, – мягко зовет дочь Кэптен, прерывая меня. – Смотри, вот твой мяч.

– Нет, не хочу мяч! – кричит она, и в ее голосе слышится близкий плач.

Вижу, что кулаки Кэптена сжимаются. Кожей чувствую его гнев.

Следующим пытается Ройс.

– Я бы сейчас слопал пару фруктовых мармеладок. – Он подходит ближе, протягивая руку малышке. – Пойдем возьмем немного, Зо...

Она уворачивается от него и обхватывает руками мои ноги.

– Нет, нет, нет!

Я замираю. Опускаю на нее глаза и вижу, что маленькие губки начинают дрожать. Мое сердце дрожит вместе с ними.

Четыре пары глаз прожигают мою кожу, все ждут, что я

буду делать.

Что, черт возьми, мне делать?

Разозлить их или сломить дух девочки?

Но разве это может быть вопросом?

Я собираюсь поднять ее, но Кэптен опережает меня. Подскакивает и наклоняется, чтобы подхватить дочь.

– Пошли в дом, Зо.

Ко всеобщему ужасу, Зоуи начинает плакать. Она дрыгает ногами и тянется ко мне через его плечо.

Пот скапливается у основания моей шеи, и я поднимаю руки, чтобы перехватить ее, но меня тут же окружают трое, и хотя над нами ярко светит луна, все, что я вижу, – это густое облако тьмы. Мне требуются все мои силы, что у меня есть, чтобы отступить назад, подальше от нее, а это все равно, что разрезать себя пополам.

Они этого не понимают, но как они могли?

Мой рот остается закрытым.

Я поднимаю глаза и неожиданно встречаюсь с парой ярких голубых глаз, в которых нет ни намека на зеленый. В них так много всего происходит... Ярость – самая глубокая эмоция, но это не то, что заставляет меня задуматься. Я вижу в них вопрос. Я вижу в них сомнение. Я понимаю его. Отказаться своей малышке – значит разбить свое собственное сердце, но позволить кому-то, кому он не хочет доверять, находиться рядом с ней, – это противоречит его натуре. Он гордится тем, что стал для Зоуи защитником, гордится тем, что

он ее отец, и не собирается ни с кем делить любовь маленькой принцессы.

А я не могу позволить ему бороться с самим собой, это неправильно. «Плохой парень» в этой истории – это я.

Опускаю глаза и ухожу, но не к дому, не туда, где Зоуи, возможно, пойдет меня искать. Я спешу к подъездной дорожке, собираясь вернуться в общежитие. Но меня вдруг обхватывают чьи-то руки, а потом толкают к деревьям. Слышу шипение рассерженной кошки, и мои глаза встречаются со взглядом Рэйвен.

Я смотрю на нее с испугом.

– Ты что, черт возьми, совсем тупая?! – кричу я, пытаюсь успокоиться.

Рэйвен толкает меня, и ее рука поднимается, чтобы перехватить мое горло. Она дрожит от злости.

– Рэйвен, ты не должна так бегать и не должна делать резких телодвижений, – хриплю я, пытаюсь вырваться. – Что, если бы я случайно сбила тебя с ног?

– Заткнись на хрен, – выдавливают она сквозь зубы, ее ноздри раздуваются. Она толкает меня сильнее. – Ты когда-нибудь расскажешь ему все, что, черт возьми, ему нужно знать?

Нет.

Рэйвен врезает кулак в ствол дерева рядом с моей головой.

– Ты действительно думаешь, что ты в состоянии так дол-

го играть?

Я усмехаюсь.

– Они не заслужили такую, как я.

– Ты это серьезно? – застывает Рэйвен.

– Вполне. Какой бы я была Брейшо, если бы упростила все дело?

– Ты не одна из них. Ты не Брейшо.

Пока.

Ее глаза бегают по моему лицу, между бровями образуются тяжелая складка.

Поверь мне, Рэйвен.

Я смотрю в сторону и вижу, что к нам быстрым шагом приближаются Ройс и Мэддок. Лица у них перекошены, но их гнев скорее направлен на Рэйвен.

Внезапное жжение пробегает по моей коже, когда она поворачивает мое запястье, нарочно делая мне больно и возвращая мое внимание.

– Подумай, блядь, о своем поведении, – шипит она. – Если ты этого не сделаешь... – Не договаривая, она отдергивает руку. – На всякий случай знай, что я не буду колебаться.

Парни подходят. Мэддок свирепо смотрит на нее, но она мягко кладет ладонь ему на грудь, заставляя отступить. Они удаляются, Ройс остается. Он долго смотрит мне в глаза.

– Это намного больше, чем знать, что она существует, не так ли? – говорит он.

Я отвечаю в тон ему:

– Ничто никогда не бывает так просто, как кажется.

Он усмехается, издает полный отвращения звук, разворачивается, но перед тем как уйти, бросает на меня холодный взгляд через плечо.

– Возвращайся в дом, сейчас же.

Кэптен

Я сижу на краю своей кровати, опустив голову в ладони, когда в комнату входят братья.

– Зоуи уснула? – Ройс прислоняется плечом к стене.

Я киваю, хмуро глядя в пол.

– Отец дома?

– Ага, – кивает Мэддок.

Хорошо.

Поднимаю голову и встречаюсь взглядом с Ройсом.

– Мне нужно тело сегодня вечером.

Он ухмыляется, телефон уже в руке.

– В нашем любимом месте? Склады?

Мэддок хмурится.

– Рэйвен давно хотела поехать посмотреть на бои.

– Черт, братан. Ты уверен, что хочешь, чтобы она была там? – глаза Ройса расширяются.

– Ее не остановишь, – огрызается Мэддок. – По-твоему, она прыгнет на ринг с моим ребенком в животе?

– Она может, – смеется Ройс. – Но ей нужен сильный пра-

вый хук.

Мэддок грозит ему кулаком.

– Ладно, – говорит Ройс. – Мы попросим расчистить путь, чтобы она не попала в толпу.

– Черт возьми, да! – с широкой улыбкой на лице в дверях появляется Рэйвен.

Я усмехаюсь и встаю с кровати.

– Значит, у нас все в порядке?

– О, черт возьми, да. И на подходе одна девушка из Брей. – Ройс делает паузу на мгновение, прежде чем добавить со смешком: – Должны ли мы придерживаться брюнеток?

Рэйвен и Мэддок смеются, и я не могу не присоединиться.

Ублюдок.

Глава 6

Виктория

Как будто он точно знал, где я буду... Взгляд Кэптена мгновенно находит меня и быстро пробегает по моему телу. Я лежу в траве, подложив руки под голову.

– Что ты делаешь? – спрашивает он.

Я пожимаю плечами.

– Жду понедельника.

Уголок его рта кривится.

– Зачем?

– Потому что я ненавижу выходные. По крайней мере, в школе мне не нужно прятаться.

Его глаза слегка расширяются.

Почему это его удивляет?

– Если тебе здесь так не нравится, какого черта ты здесь делаешь? – говорит он.

Я со вздохом поднимаюсь на ноги, и теперь мы стоим лицом к лицу, но все еще в нескольких футах друг от друга.

– Не забывай, что мне приказали тут остаться.

Он придвигается ближе, и я расправляю плечи. Он злится, но и я тоже. Почему он не спросит меня о том, что хочет

знать?

– Да, – бурчит он. – А что, если бы никакого приказа не было? Ты бы ушла?

– Зачем спрашивать, если тебе все равно, Кэп?

Его губы плотно сжаты, жилы на шее вздуваются, когда он смотрит на меня злыми глазами.

Всегда такой замкнутый.

Я бы хотела, чтобы он вопил, чтобы он заставлял меня делать то, чего я не хочу. Все что угодно, лишь бы заставить его поддаться тому, что, я знаю, происходит у него внутри. Может быть, мне разозлить его, довести до предела?

Есть ли у него вообще предел?

– Я бы не ушла, – говорю я, и его глаза сужаются. – Даже если бы ты пытался заставить меня.

Глаза сужаются еще больше.

– Ты бы не подчинилась изгнанию из Брейшо?

– Да.

– Но за это есть наказание.

– Наказание? Не сильнее, чем необходимость уйти, когда я хочу остаться.

Еще на шаг ближе.

– Где остаться?

Его подбородок опускается. Мой поднимается.

– Остаться здесь.

– Почему ты этого хочешь?

– Потому что я принадлежу этому месту.

Его рука взлетает, но я стою совершенно неподвижно. Он всего лишь убирает волосы с моего лица.

– *Принадлежишь ... кому?*

У меня вырывается приглушенный смешок, и я качаю головой, глядя на траву.

– Ты хочешь, чтобы я сказала это вслух? И для чего? Чтобы ты мог однажды бросить мне это в лицо? – Я снова поднимаю на него глаза. – Я так не думаю. Скажу только тогда, когда ты будешь готов это услышать.

Только тогда, когда ты наберешься смелости спросить.

В его лице нет ничего, кроме ярости, когда он выходит вперед.

– Ты думаешь, мне есть дело до всего, что вылетает у тебя изо рта? – спрашивает он, и в его голосе слышится усмешка. – Ты всего лишь статуэтка в интерьере, игрушка.

– Так играй со мной, как со своей любимой игрушкой, – сузив глаза, предлагаю я.

– Тебе бы не понравилось.

– Нет ничего, что ты мог бы сделать, заставив меня истекать кровью. Я пустая, Кэп. Разорванная на части и заново сшитая с целой кучей пустоты внутри.

Он задевает своей грудью мою, когда поднимает мой подбородок.

– Как весело будет доказать, что ты ошибаешься... Иди в дом, причешись и будь на крыльце через пятнадцать минут. Мы уходим, и ты идешь с нами.

– Куда?

– Четырнадцать минут.

Черт.

* * *

Знакомый жар обжигает кожу, но я притворяюсь, будто не замечаю этого. Встречаюсь с ним взглядом и сразу отворачиваюсь. Лицо Кэптена ничего не выражает, теперь его многозначительный взгляд направлен в ту сторону, куда смотрю я. Хлоя и Мак сидят, болтая с Тишей, – вот что я вижу. Но ему это не интересно.

Он не сказал мне ни слова с тех пор, как мы приехали сюда час назад, не то чтобы он вообще разговорчив со мной, но все же. И снова я его понимаю. Он хочет внимания – это раз; ему нужно уделять кому-то внимание – это два. Но я не буду играть в его игры, и тем более играть в гляделки.

Делаю большой глоток воды из бутылки, встаю и подхожу посмотреть, что происходит за пределами VIP-зоны. Там толпы людей, яблоку негде упасть. Но все продумано. Между гигантскими железными прутьями вплетены листы жести, чтобы те, кто снаружи, не заглядывали внутрь. Перед входом стоят охранники и еще несколько дежурят на территории, чтобы обеспечивать безопасность. Смешно, обеспечивать безопасность в опасном месте... Склады, приспособленные под подпольные бои, находятся на окраине города, и

сюда трудно попасть чужакам. Здесь и дороги-то нет, и поэтому никто не может сказать что-то вроде «просто проезжали рядом».

С каждой минутой шум становится громче, несколько человек столпились у маленького ринга, наблюдая за первым боем, но самые умные занимают места у большого, где состоится бой ночи.

Легкая улыбка появляется в уголках моих губ, когда я оглядываюсь по сторонам. Я уже очень давно не выходила в свет. Тут дико, да, но это отличное место, чтобы расслабиться у всех на виду.

Отличное место, чтобы найти рычаги воздействия.

Мое лицо напрягается при этой мысли.

Это то дерьмо, которое привело меня к неприятностям, в которых я сейчас погрязла по уши, но мой мозг не останавливается. Наблюдать за другими – это то, в чем я хороша.

Движение справа от меня привлекает мое внимание, я поворачиваюсь и вижу Ройса. Он лихо подмигивает мне.

Всего несколько месяцев назад все, что здесь было, – это пара стульев и ящики вдоль стен. Пыль и паутина, ничего больше. Ящики, наверное, были для хранения денег, я не знаю. На ремонт решился Мэддок. Он знал, как сильно Рэйвен нравится это место, а для нее он готов был луну с неба достать. Снаружи ничего не изменилось, но внутри... Шикарно, в духе Брейшо. Три стены в черно-белых широких полосках. В самом центре каждой стены нарисована большая

волчья голова – две черные, одна, в торце, белая. Четвертая стена, там, где VIP-зона, выкрашена в насыщенный синий цвет, его еще называют королевским, и броскими белыми буквами написано: *Волчье логово*. Черные занавески на кронштейне в форме полумесяца скрывают все, что не предназначено для глаз зрителей, включая решетку, за которую не проникнешь.

В VIP-зоне уютно, диваны и диванчики синего цвета, гигантский телевизор, по которому безостановочно крутятся клипы, и да, в левом углу установлены столы для покера. Кэптен сидит за одним из столов и, кажется, планирует провести там всю ночь. Еще один телевизор, поменьше, а справа, там, где стою я, длинный ряд шкафчиков.

Я замечаю Рэйвен в огромной куртке, скрывающей ее живот. Мэддок уже на ногах, ведет ее в сторонку.

У Ройса в кармане звонит телефон, и его взгляд скользит ко мне.

– Это церковный колокол, Вик-Ви. Пора быть королевой среди крестьян.

Мне не нужно долго гадать, о чем он говорит.

– Ройс! – визжит восторженный голос.

Я едва не отлетаю в сторону, когда мимо меня пролетает девица и тонкими руками обвивает шею Ройса.

– Дамы, входите. – Он показывает на меня. – Виктория сегодня рулит вечеринкой.

Я напрягаюсь. Насколько все здесь знают, я – пустое ме-

сто, девочка из приюта, которую из милости приняли в «высшее общество».

К счастью, девиц, их четверо, больше интересует сам Ройс, а не то, что он говорит.

Но он не унимается:

– Сегодня вечером она будет за горничную. Что бы вам ни понадобилась, она – ваша. – Он ухмыляется, как придурак. – Отдайте ей свои телефоны, дамы, а сумочки можно положить в шкафчик.

Вау.

– Ой, а я хотела сделать несколько снимков, – говорит одна из девушек; ее голос звучит плаксиво, но при этом она выпячивает губу, считая, что это мило, и хлопает ресницами.

Ройсу все равно, он не западает на нее.

Кивает подбородком высокому парню с дредами, который стоит наготове. Чувак проскальзывает внутрь, обнимает девицу за плечи и разворачивает к себе.

– Эй, ты что...

– Не делай себе хуже, малышка, – шепчет он, выводя ее.

Ройс поворачивается к остальным, троица стоит, хлопая глазами.

– Ну что, готовы к вечеринке? Пример был показателен? – невозмутимо ухмыляется Ройс.

Девицы быстро вытаскивают телефоны из сумочек и делают шаг ко мне. Я закатываю глаза и забираю гаджеты. В конце концов, не в моих интересах послушаться Ройса.

Последней цыпочке требуется целая вечность, чтобы спрятать сумочку в шкафчик. Она наносит на губы, должно быть, пятый слой блеска.

– О боже, Эмбер, быстрее! – торопят ее подружки.

– Что? – она пожимает плечами и наконец кладет сумку. – Мне нужно быть пухлой и блестящей. Я слышала, Кэптену это нравится.

Мои мышцы напрягаются.

Ройс словно ждал этого, и его ухмылка становится еще противнее.

Эти девушки – развлечение на ночь для братьев Брейшо, вот почему Кэптен хотел, чтобы я была здесь.

Огонь поднимается по моему животу и охватывает ребра, но я не показываю вида.

– Дамы, дайте Виктории знать, что вы хотите выпить, она нам все принесет. – Он обнимает сразу двоих. – Шампусик? Сделай все быстро, *Pora*. Мы будем за правой занавеской.

Мудак.

Я делаю глубокий вдох и иду к бару, игнорируя Хлою и Мака, которые расслабляются за скотчем или чем там.

Хлоя наблюдает за мной, как я проскальзываю за стойку вместо того, чтобы сделать заказ гранж-чуваку.

Быстро наливаю дурацкое шампанское, но оставляю немного места и доливаю чуть меньше двойной порции джина. Они никогда не узнают и к тому же не посмеют жаловаться после того, как их подружку выгнали только за то, что ду-

рочка подумала, будто ее желания имеют какое-то значение.

Посмотрим, посмотрим, насколько хороши они будут позже, когда не смогут стоять на ногах.

Брейшо не любят размазней.

Хлоя хихикает, затем в поле моего зрения появляется палочка для перемешивания коктейлей.

Мгновение смотрю на нее, беру палочку и осторожно перемешиваю гремучую смесь. Пытаюсь держать марку, глядя ей в лицо.

Хлоя хватает джин и подает знак бармену – тот ставит перед ней пустой стакан. Под взглядом Мака она наполняет его до краев, даже больше – содержимое проливается на ее пальцы, – и пододвигает стакан ко мне.

– Я не знаю, что происходит и почему ты тут вертишься, но что-то подсказывает мне, что ты справишься со своей ролью и тебе это нисколько не повредит. – Она не ждет от меня вопроса, и это хорошо, потому что я бы никогда его не задавала. Она говорит сама: – Цыпочку, ту, что в розовых шортах, зовут Эмбер, и она хочет Кэптена с шестого класса. Дождалась. Раньше он ее не приглашал.

Я постукиваю кончиками пальцев по краю стакана, затем поднимаю его, позволяя сладкой сосновой жидкости согреть мое горло. Смотрю на Хлою.

– И зачем ты мне это рассказываешь?

Хлоя улыбается своему пустому стакану, прежде чем посмотреть на меня.

– Потому что я знаю Брейшо. Ясно, что ты облажалась, я это вижу, хотя другим и непонятно, как сильно он хочет тебя трахнуть... в обоих смыслах. – Она кладет локти на столешницу и опускает подбородок на сцепленные пальцы. – И потому что эта Эмбер довольно сильный конкурент в смысле траха, а ты просто... ты.

– И с этим ничего не поделаешь, не так ли?

Хлоя пожимает плечами, пряча ухмылку в своем стакане, а я сдерживаю свою.

Мак – он, конечно, ни слова не пропустил мимо ушей – смеется, качая головой, и предлагает мне помочь донести напитки, но я игнорирую его и иду, расправив плечи, прежде чем проскользнуть за занавеску.

В ту же секунду, когда я оказываюсь за ней, флуоресцирующие глаза требуют моего взгляда, но я заставляю себя посмотреть через его плечо и встречаюсь со своим собственным отражением в другом конце помещения.

Повсюду зеркала.

Здесь нет никаких стен, которые можно было бы увидеть, – зато каждый видит себя и все, что его окружает, отраженное много раз.

Тихая, спокойная музыка доносится со всех сторон, но за пределами VIP-зоны ее не слышно.

Справа от меня – изогнутый бархатный диван, занимающий много места, и мне требуется секунда, чтобы понять, что я стою на возвышении.

Спускаюсь вниз по трем маленьким ступенькам. Пол выложен блестящей черной плиткой, должно быть, мрамором. Думаю о том, как бы мне не поскользнуться. Смотрю на Кэптена, его взгляд все еще прикован ко мне. Мне стоит усилий не обращать внимания на девиц, которые сидят по бокам от него, по крайней мере до тех пор, пока они сами не поворачиваются посмотреть, что же привлекло его внимание. Но, похоже, они видят не меня, а поднос с напитками.

Кэптен слегка откидывает голову назад, ожидая, что я подойду, и я так и делаю – подхожу и останавливаюсь между его разведенных ног. Наклоняюсь и ставлю поднос на столик. По-моему, он удивлен. Держу пари, что с его стороны это было рефлексивно, но он качнулся ко мне. Моя грудь расположена прямо на линии его глаз. Конечно, мои сиськи не вываливаются из лифчика, а топ заправлен в джинсы, не выставляя пупок, но у меня есть фигура, и я знаю, что она ему нравится.

Девушки берут с подноса напитки. Боковым зрением я вижу, как их хорошенькие головки перемещаются от Кэптена ко мне и обратно, – уверена, что их куцые мозги вращаются без остановки.

Язык Кэптена выскальзывает наружу, чтобы облизать полную нижнюю губу, но он поспешно втягивает его обратно. Вены на его шее пульсируют под золотистой кожей, а глаза... Глаза сердито дергаются влево – к девушке, про которую говорила Хлоя, к той, которая извела на себя тонну блеска для

губ и которая хочет то, чего нельзя получить бесплатно.

Она наклоняется к Кэпу и говорит низким, как ей кажется, *соблазнительным* голосом, от которого меня тошнит:

– Это мое любимое шампанское. Не могу поверить, что оно тут есть.

Я усмехаюсь, и ее невыносимо блестящие губы кривятся, а глаза-бусинки впиваются в мои. Она оценивает меня и, видимо, приходит к выводу, что я ей не конкурентка.

– Что? – Фифа выпячивает свои утиные губищи и свободную руку кладет на колено Кэптену. – Ревнуешь, девочка из приюта?

Я пожимаю плечами и, как будто случайно, коленками касаюсь джинсов Кэпа.

– Нет, если только ты не припасла коробку с краской для волос.

Эмбер – вроде так ее назвала Хлоя – непонимающе моргает:

– Эм-м, что?

Ройс хихикает, но быстро утыкается в шею второй девушки, чтобы скрыть смешок.

Сейчас я вам устрою показательные выступления.

Кладу ладонь на колено Кэптена, не упуская из виду, как напряглись его мышцы, и наклоняюсь вперед, заглядывая в лицо Эмбер. Поправляю ее волосы средним пальцем, и она вздрагивает.

– У него аллергия на блондинок, – шепчу я, и Кэптен дер-

гается, когда я снова касаюсь его. – У твоей подружки больше шансов, чем у тебя... и я почти уверена, что она клеится к тому Брейшо, который ей разрешен, а так... Думаю, тебе стоит обратить внимание на Ройса.

Ройс ерзает на своем месте и теперь внимательно слушает.

Круто, похоже, он не прочь решить ее маленькую проблему.

– Так что удачи, – добавляю я. – Я слышала, Ройс соглашается на секс втроем, правда ему привычнее, когда в дело замешан еще один член.

Ройс мгновенно хмурится, глядя на меня, но когда я держу поднос за край и алкоголь выплескивается девицам на колени, он расплывается в улыбке.

Девушки визжат и вскакивают, а я иду к выходу.

Руки Эмбер взлетают в воздух, она в ужасе смотрит на свои мокрые шортики.

– Кем, черт возьми, ты себя возомнила, мусор?! – кричит она.

– Эй, поосторожней, – вылетает у Кэптена, но на этом все – он быстро прячет хмурый взгляд в своем бокале.

Ну ладно, я и сама могу постоять за себя.

Полагаю, я не просто «девушка из приюта», раз ты так возбудилась, да?

Показываю ей два средних пальца, поворачиваюсь на каблуках и иду к шкафчикам. Беру ее вещи и выхожу на улицу. Даже странно, что меня никто не останавливает. Бросаю ее

сумку и телефон в помойку, возвращаюсь в общий зал и выбираю себе местечко подальше, чтобы понаблюдать за боями на разогреве.

Устраиваюсь поудобнее, делаю глубокий вдох и на секунду закрываю глаза.

Вау, это «поосторожней»... Да он защищал меня перед девицей, которая должна была развлечь его сегодня вечером!

Легкая ухмылка появляется на моих губах... и тут же слетает, потому что я слышу голос:

– А вот и ты, моя девочка.

Оу.

Черт.

Глава 7

Кэптен

Я пытался...

Я пытался игнорировать тот факт, что она ворвалась и смешала все планы. Все, что мне было нужно на ночь, – вот оно, пожалуйста, и так по-глупому все сорвалось.

Мэддок влетел со свирепым взглядом, который означал одно – где она, неизвестно. Ройс машет девочкам, чтобы они не визжали, и идет к Маку.

Но Мак ничего не знает. Или делает вид, что не знает.

Ко мне подходит Рэйвен.

– Андре пытался проследить, куда она пошла, – Рэй говорит о нашем управляющем здесь. – Но он ее упустил.

Да ни хрена он не пытался. Он и не следил за ней, потому что она не Брейшо. Для всех окружающих, как доказала цыпочка, облитая шампанским, она просто «девочка из приюта». Или из общаги школы Брей.

– Черт возьми, она такая же, как ты? – Ройс хмуро смотрит на Рэйвен. – Все время будет гадить и убегать? Мы будем сидеть на колесах, пока вы обе не утомитесь, а это вредно для сердца.

Рэйвен пожимает плечами.

– Она могла бы уйти, но она точно здесь.

Мэддок усмехается, и я точно знаю, о чем думают мои братья. Рэйвен убегала от нас больше раз, чем мы можем сосчитать, но Виктория – не Рэйвен.

– Я разозлил ее, да, но Рэй права – она где-то здесь.

Рэйвен смотрит на меня, когда говорит:

– До чего же вы тупые, Брейшо. Она просто злится, потому что вы позвали девушек. Она никогда не допустит такой дешевой замены.

Мои губы складываются в ровную линию.

– Что?

Из нее вырывается смех.

– У тебя что-то со слухом, Кэп? Это правда. Неважно, что ты думаешь, в ее голове ты уже принадлежишь ей. – Ее палец буравит мне грудь. – Ви будет напирать, когда почувствует, что должна.

– Ага, она уже сделала это, – усмехается Ройс. – Наговорила всякой чуши, пролила выпивку и, как мне написал Мак, перед тем как она тут появилась, подлила в выпивку для дам кое-что потяжелее.

Рэйвен хохочет.

– Не обольщайся, Кэп, что она думает, будто ты обжимаешься с цыпочкой в темном углу. Гарантирую тебе. Она знает тебя лучше, чем ты сам знаешь себя.

– Да? – хмурюсь я.

Она пожимает плечами.

– А что тут такого сложного, чтобы не понять – этим цыпочкам ничего бы не обломилось, Пакман. Ты уже прошел точку интрижки на ночь.

Ройс и Мэддок хихикают, и я сдаюсь:

– К черту все. Скоро начнутся основные бои, но я бы предпочел, чтобы ее нашли до этого.

Ройс наливает себе еще чего-то глотнуть, мы с Рэйвен ждем у двери, а Мэддок выходит предупредить наших охранников.

Вскоре он возвращается, и мы идем в основной зал. Нам освобождают проход, и головы любопытных поворачиваются в нашу сторону.

Клеммонс, один из новых парней, которым мы предложили поработать на складах после ремонта, оттягивает цепь, и мы проходим на свои места, приподнятые на целых три фута над уровнем пола, с идеальным видом на ринг. И они достаточно близко, чтобы долетели брызги крови, если на ринге станет горячо.

Бросаю взгляд на Рэйвен – она не может стереть улыбку, настолько ей нравится все. Мэддок наблюдает за ней, рука брата лежит на ее бедре. Взгляд Мэддока встречается с моим, на губах появляется легкая усмешка, и я киваю: все путем, чувак.

К рингу идет Андре с микрофоном. Он делает паузу, оглядывая толпу, и объявляет начало поединка.

Выходят соперники, оба заранее подписали соглашение о соблюдении правил – никакого оружия, никто им не будет помогать со стороны.

– Вон тот парень выглядит знакомым, – говорит Рэйвен, прищурившись, показывая на одного из них.

– Заткнись, – говорит ей Мэддок.

Она пожимает плечами, затем они с Ройсом делают ставки.

– Пятьдесят на того, кто пониже ростом, – говорит Рэй.

– Что? Нет! – скулит Ройс. – Коротышку беру я.

Рэйвен смеется.

– Ага, ты знаешь, что он быстр.

– А то! Он сможет подкрасться и вырубить этого долговязого ублюдка.

– Называй свою цену.

Неожиданно она поворачивается, я слежу за ее взглядом и вижу Викторию, пытающуюся проскользнуть под цепью, но охранник не пускает ее. Его лапища опускается на ее руку, выкручивая назад, но я вскакиваю и зажимаю его шею между пальцами. Плечи парня горбятся, руки быстро взлетают в воздух.

– Извини, чувак, – сипло бросает он. – Я не знал, что она с тобой, Андре велел никого не пускать.

Я морщусь и отпускаю его. В принципе, мне не на что злиться – он делает то, за что ему платят, следит за нашей безопасностью.

Хмуро смотрю на Викторию, но она лучезарно улыбается, садится рядом и наклоняется ближе.

– Прости, если что не так, – шепчет она, и я не понимаю – издевается, что ли?

Думаю о том, что уже второй раз за сегодняшний вечер импульсивно защитил ее. Это чертовски бесит.

– Не хрена бегать, ведешь себя как идиотка, – говорю я. – Если ты хочешь как кошка гулять сама по себе, то в один не лучший для тебя день тебя просто не пустят обратно.

Она осматривается.

– Оу, я вижу, что здесь *шесть* мест. Давай не будем притворяться, одно из них точно было запланировано для меня.

Я стискиваю зубы, раздражение разогревает мою грудь. С одной стороны, у нее чертовски крепкие нервы, с другой – ее уверенность в том, что она здесь по праву, заводит, чего уж тут.

Она смотрит мимо меня на Рэйвен.

– Что там со ставками? Вы уже сделали?

Взгляд Рэйвен сужается.

– А ты на кого хочешь поставить? На высокого парня?

– Он победит, – говорит Виктория и щелкает ногтями.

Как-то нервно щелкает. Что-то не так.

– Обычно везет мне, – напоминает ей Рэйвен.

– Тогда что ты теряешь? – пожимает плечами Виктория.

– Пятьдесят баксов, – огрызается ее новообретенная сестра. – Или тридцать семь блюд из кафешки «все за доллар»,

не считая выпивки.

Мэддок качает головой.

Он ненавидит, когда Рэй говорит так, будто все еще на мели и борется за выживание, но в то же время он знает, что это часть ее, и скорее всего такой она и останется.

Виктория натянуто смеется.

– Или сотня с лишним упаковок китайской лапши.

Рэйвен сжимает губы, когда толпа начинает кричать.

– Ройс, – говорит она, – так ты поставил на коротышку?

– Какого хрена? – отвечает он и поворачивается к Виктории. – Вик-Ви, ты определилась?

Рэйвен пожимает плечами, а Виктория делает все возможное, чтобы избежать моего взгляда.

Меня так и подмывает спросить ее, куда, черт возьми, она делась, но начинается бой.

Высокий парень движется медленнее своего противника, как и предполагали Рэйвен и Ройс. Однако у меня такое чувство, что он хорошо изучил своего противника накануне боя. Коротышка наносит долговязому удар правой в челюсть, но тот неожиданно уворачивается и врзает левой.

Виктория рядом со мной качает головой, за этим следует тяжелый вздох, а потом она смотрит на меня и печально улыбается – я все это вижу краем глаза. Потом она опускает взгляд на свои колени, сидит так секунду-другую и снова сосредотачивается на драке.

Оба парня продолжают кружить по рингу, Ройс всматри-

вается и присвистывает:

– Подожди, подождите...

Его глаза отрываются от ринга, он косится на меня, потом толкает Рэйвен.

– Рэй-Рэй, а это не тот мудака, который привез тебя в ту ночь, когда тебе здесь разбили лицо?

Она смотрит на него, затем на Викторину и снова на парня на ринге.

Что за черт...

Я прищуриваюсь, чтобы получше его рассмотреть.

Ройс прав. Шесть или около того месяцев назад Рэйвен участвовала в поединке, ей расквасили лицо, и Виктория вместе с этим гребаным долговязым парнем пришли ей на помощь. Они подобрали ее и привезли к нам домой – Виктория тогда в первый раз оказалась достаточно близко, чтобы увидеть наш особняк за деревьями. Я помню, как прижимал ее к машине, расспрашивал о том, что произошло, а она с усмешкой смотрела на меня.

Это также была первая ночь, когда я лег спать с мыслями об этой дерзкой маленькой блондинке.

Все, что я помню о парне, так это то, что он не был связан ни с Брейшо, ни с Грейвенами. Такой сам по себе. Ройс его запугал, и он убрался с нашей территории.

Какого хрена она вообще была с ним той ночью?

Долговязый делает удачный апперкот, и воздух взрывается криками. Он победно вскидывает руку, и его взгляд оста-

наваливается на девушке рядом со мной.

Мышцы моей спины напрягаются, когда он, мать твою, подмигивает ей. Только сейчас я замечаю уродливую татуировку на его торсе: птица с глазами-бусинками, красной шей и спутанными бело-черными перьями.

Рэйвен наклоняется к Виктории.

– Ты вроде говорила, что он уехал из города?

– Да, верно, – говорит она. На ее губах напряженная улыбка, она возводит глаза к потолку, будто нашла там что-то интересное. – Но, как видишь, он вернулся.

– Кто он тебе? – спрашиваю я.

Она хмурится, качает головой, но не успевает ответить, потому что внезапно долговязый ублюдок наклоняется над цепью, которая отделяет нас от ринга. Откидывает волосы назад и улыбается Виктории.

– Как тебе такая победа, детка?

Я сжимаю зубы, Ройс давится тем, что он пьет, и вскакивает со своего места, чтобы получше рассмотреть этого मु-дака.

Неужели он только что осмелился назвать ее деткой?

Виктория не смотрит в его сторону – она смотрит на меня и говорит:

– Кэптен, познакомься с Майком.

Майк протягивает свою потную ладонь.

– *Ее* парень.

В VIP-зоне я допиваю третий бокал. Три двойные порции подряд.

Рэйвен подходит ко мне. Хмурится и просит бармена налить ей воды.

– Некоторое время назад я спрашивала Викторию об этом парне. Она сказала, что он помог ей скоротать время, только и всего. Время вышло, и он ушел, – говорит она между глотками.

Я опустошаю бокал и со стуком ставлю его.

– Соврала, не сомневаюсь.

Рэйвен усмехается.

К нам присоединяются Мак и Мэддок. Мак берет выпивку, а Мэддок воздерживается – он сегодня за рулем.

Как только задница Виктории плюхается на круглый стул, я срываюсь с места и двигаюсь к диванам.

Блондинка в подсохших шортиках замечает меня и спешит в мою сторону, но Виктория останавливает ее на полпути и садится рядом со мной, взгляд у нее сердитый.

– Ты ушел прежде, чем я смогла сказать что-то.

– О, и теперь ты хочешь раскрыть свои секреты. – Мои глаза насмешливо расширяются, а в груди копится гнев. – Ни с того ни с сего? Ведь ты вся соткана из секретов. Ты без них не можешь.

Она злобно смотрит на меня.

– Ты будешь слушать или нет?

– Не обольщайся, меня не волнует, что ты скажешь.

Одна ее бровь приподнимается.

– Видел бы ты себя со стороны. Срываешься с места, как ребенок. Может, хватит?

Из общего зала появляется Ройс, на его лице сияет коварная ухмылка.

– Человек часа готов присоединиться к нам, – сообщает он, вздернув подбородок, как плохой актер.

За его спиной торчит долговязый придурок. Не знаю, по каким причинам он не натянул майку – татуировка мозолит мне глаза.

Виктория рядом со мной напрягается.

– Эй, – окликает ее Ройс. – Сделай парню выпить, а? – Его взгляд становится жестким.

Но Виктория и не думает бежать к бару.

– Что, черт возьми, он здесь делает? – говорит она, кивая на парня. – Какого хрена ты его приволок? И вообще, Майк не сделал ничего плохого, он всегда... он всегда держался в стороне.

– Виктория... – лепечет парень.

– Он не должен быть здесь. – Виктория качает головой и переводит взгляд на меня.

– Заставь его уйти.

Мои пальцы крепко сжимают бокал, я вижу, насколько

она напряжена.

– Сама и заставь, – говорю я, а сам думаю: «Какого хрена? Чего она добивается? Действительно не хочет, чтобы он тут был, потому что на фиг он ей нужен, или это ее способ держать его подальше от нас? Типа защитить».

И тут она бездумно повторяет:

– Он не сделал ничего плохого.

Из моего рта вылетает мрачный смешок.

– Ничего плохого? – Я наклоняюсь вперед, и наши губы оказываются недопустимо близко. Глаза Виктории расширяются и так же быстро туманятся.

Как же легко я могу завладеть твоим вниманием...

Я знаю, что этот нахал смотрит, все смотрят, поэтому наклоняюсь еще немного и касаюсь пухлых, бархатных губ, напоминая себе, что в последний момент я должен удержаться.

Вместо поцелуя я отчетливо шепчу:

– Он, вероятно, думает, что ты принадлежишь ему. Но, красавица, узнать об этом прямо здесь... так чертовски неправильно.

– Протрезвей, Кэптен, – шипит она в ответ, и влажный туман из ее глаз улетучивается. – Когда он назвал меня «своей девушкой», ты мог бы прореагировать как-то. Там, в зале. Предъявить на меня свои права.

Это почти что нокдаун.

– Я тебя смутил? – выдавливаю сдержанную ухмылку. – Ладно, тогда слушай: ты не его девушка, но и не моя.

Виктория поджимает губы и поднимается на ноги.

– О'кей. Сыграю роль, отведенную мне твоим братом. Обслужу парня, а потом, я не знаю... – Она замолкает и отступает на пару шагов. – *Обслужу* его.

Я вскакиваю и притягиваю ее к себе. Мой взгляд тяжелый, пальцы дергаются на ее позвоночнике. *Сучка...*

Но Виктория смеется, заставляя меня замереть на месте.

Ее мягкий смех действует отрезвляюще, карие, почти медные глаза смотрят в самую душу. Крыша едет. Я таю, как сливочное мороженое, и пространство вокруг нас исчезает.

Остатки здравого смысла шепчут мне отпустить ее, создать между нами хоть какое-то гребаное пространство, но мои мышцы не двигаются.

Она богиня, и я ненавижу это.

– Ты можешь говорить что угодно, Кэп, – мурлычет она. – Но твоё тело знает правду, да? Так послушай его.

Мой желудок скручивает, я чувствую тошноту, потому что, черт возьми, она права. Наверное, права.

Виктория переступает с ноги на ногу, и мои руки опускаются. Я слежу за тем, как она идет к бару, и понимаю, что должен вернуть ее обратно.

Ко мне.

Но ничего не предпринимаю. Стою там и смотрю, как она заказывает напиток для этого мудака.

А этот мудака следит за каждым ее движением, ждет, когда она встретится с ним взглядом, но Виктория не делает этого.

Она на взводе и в то же время не уверена в себе.

Почему?

Ко мне подходит Рэйвен.

– Кэп...

– Мне надо убраться отсюда к чертовой матери. Она лезет мне в голову...

Или, может быть, это из-за алкоголя? – этого я не говорю.

Однако мудака охамел... Он направляется к бару и что-то говорит Виктории. Она поднимает на него глаза. На ее губах появляется едва заметная усмешка, и моя кровь закипает.

Да. Мне нужно уйти. Сейчас. На хер.

Ко мне подходят Мэддок и Ройс.

– Я ухожу, – говорю я им. Мне не нужно просить их, чтобы они держали Викторию в узде, они и так знают.

Иду к двери, но ноги с трудом слушаются. Не успеваю и глазом моргнуть, как Виктория оказывается рядом со мной.

– Я не просил сопровождать меня.

– Вообще-то я живу в твоём доме. Мне не нужно приглашение.

Быстро разворачиваюсь и прижимаю ее спиной к стенке.

– Зато тебе нужно разрешение, – огрызаюсь я. – Почувствуй разницу.

– Так дай его мне, – почти умоляет она. Или мне это слышится? – Я не хочу здесь оставаться. Какого черта мне здесь торчать, если ты уйдешь. Отвези меня домой, Кэптен.

То, что она говорит, заставляет мой пах гореть, но я приказываю «дружку» вести себя смирно. Было бы так легко сдаться на ее милость, но сдаться – это для слабаков, а у нее нет власти сделать меня слабым.

Боковым зрением замечаю, что *Майк* сосредоточен на нас, и я наклоняюсь ближе, вдыхаю ее запах.

Мои пальцы тянутся к ее боку, медленно поднимаются по ее ребрам. И все это время я смотрю на него.

Ублюдку хватает смелости выдерживать мой взгляд целых пять секунд, прежде чем он опускает голову.

Шепчу в ухо Виктории:

– Нет, ты останешься. Этот мудака – твоя проблема. Ты думаешь, что достаточно сильна, чтобы быть настоящей Брейшо? Что же, давай посмотрим. Заставь его исчезнуть. – Я отстраняюсь и смотрю на нее сверху вниз. – Но если он тронет тебя, получит удар битой по коленным чашечкам.

Ее губы растягиваются, она прижимается ко мне.

– Ты хочешь, чтобы он ушел? – Виктория отступает назад и моргает один-единственный раз. – Разберись с ним сам, Кэптен. Он все равно не станет меня слушать, Брейшо я или нет, уж поверь. И вот что я тебе скажу: Майк? Ему здесь не место!

Она уходит, но не к бару, а прямо к внедорожнику Мэддока.

И я не знаю, что бесит меня больше. То, что она дает отпор мне, или то, что я жажду ее подчинения.

Что-то должно, черт возьми, произойти.

Глава 8

Кэптен

– И эту, и эту... О! – Зоуи подбегает к подоконнику и хватает маленького плюшевого медведя. – И этого тоже!

Она толкает игрушки в свой рюкзак и, высовывая язык от напряжения, пытается застегнуть молнию.

Я смеюсь и опускаюсь на колени рядом с ней.

– Почему бы нам не оставить кого-нибудь, чтобы было место для новых друзей, а? Наверняка ты там найдешь кого-нибудь.

Она смеется и хлопает в ладоши. Потом ее взгляд скользит через мое плечо, и она бежит к моему отцу, вошедшему в комнату.

Мне радостно видеть Зоуи веселой, но я не могу забыть, как она плакала из-за Виктории. Готов поклясться, что моя гребаная грудная клетка в тот момент треснула. Раньше она плакала, когда я навещал ее, а потом наступало время уходить. И вдруг на тебе... Видеть ее слезы из-за девушки, которая не стоила ее внимания, было тяжело. Если честно, я пережил самый неприятный момент в моей жизни. Я мог бы уступить, но нет, я стоял на своем, хотя в моем животе обра-

зовался болезненный, скрученный узел. Это продолжалось всего несколько минут, потом Зоуи отвлеклась и все забыла, но я не мог стереть из памяти ее заплаканное личико.

– Готова, малышка? – спрашивает отец и раскрывает руки, чтобы поднять ее.

Она улыбается ему.

– Да! Я хочу увидеть всех-всех животных. Всех-всех, хорошо?

Прищуриваюсь, глядя на своего отца. А я и не знал, что он эмоциональный человек. Конечно, он был добр к нам, но без всяких сантиментов.

Когда мой биологический отец и отец Ройса были убиты, нам не было и года, а Мэддок, его родной сын, был всего на пару недель старше нас. И Ролланд взял нас вместе с нашими мамами, чтобы жить всем вместе. Наши отцы были его лучшими друзьями, равными рядом с ним, как и мы трое сейчас. План состоял в том, чтобы мы выросли и заняли их места, только так можно было сохранить власть. Вот почему Ролланд без колебаний взял нас к себе, а потом... потом были убиты наши матери, включая мать Мэддока. Убиты служанкой.

В тот день Ролланд стал *настоящим* отцом для нас троих, а не просто отцом на замену. Он любил нас одинаково, но и он совершал ошибки, как все.

Когда мы учились в начальной школе, его осудили за изнасилование, которого на самом деле не было, и якобы это

изнасилование произошло в угнанной машине, полной наркотиков. Ему дали пятнадцать лет. В суде он мог бы легко откупиться, но не сделал этого, чтобы защитить будущее, которое планировал для нас. Долгие годы он следил за нашим воспитанием, находясь за решеткой, а Мейбл исполняла для нас роль матери. Он скрыл то, чего не должен был скрывать, и самым тяжелым днем для меня стал тот день, когда я узнал, что он нам не родной отец. Думаю, что и для ребят тоже. Но это ничего не изменило. Мы всегда верили в нашего общего отца, даже когда он, бывало, выводил нас из себя. Просто мы знали, что каждый его шаг был направлен на то, чтобы так или иначе защитить нас, и сейчас я понимаю это лучше, чем когда-либо.

А за последние пару месяцев мы увидели его с совершенно неожиданной стороны, и эту сторону в нем открыла Зоуи.

Клянусь, его глаза блестят, когда он смотрит на нее и кивает.

– Хорошо, Зо. Конечно. Мы увидим *всех*.

Она снова хлопает в ладоши и выбегает за дверь.

– Дядя Бро! Где ты? – это она так называет Ройса – Бро.

Я улыбаюсь и передаю ее рюкзачок с игрушками отцу, и еще один – пустой – на всякий случай.

– Она настаивает на том, чтобы мы взяли с собой ее плюшевых приятелей.

Ролланд ухмыляется, но быстро становится серьезным.

– Тебе не нравится, когда она исчезает из поля твоего зре-

ния, а ведь послезавтра ты возвращаешься в школу. Я должен что-то предпринять?

Медлю, прежде чем ответить.

– Самое главное, чтобы *она* с ней не общалась.

Отец кивает, но ничего не говорит.

Зоуи, заметив, что мы спускаемся, бежит к нам, но останавливается на полпути, чтобы вернуться к Ройсу и откусить еще кусочек пончика.

Он смеется, подхватывает ее, и мы все выходим на улицу.

– Я же говорил тебе, малышка, дядя Бро тебя не подведет, – шутит Ройс.

Я открываю заднюю дверь лимузина отца и обнаруживаю, что Мейбл уже там.

– Привет, маленькая мисс. – Мейбл помогает Зоуи сесть к себе на колени. – Ты готова ехать в зоопарк?

– И деда тоже!

Зоуи оглядывается на нашего отца, и его лицо вспыхивает нежностью.

– Я иду, Зо.

Он поворачивается ко мне и говорит:

– Нет ничего плохого в том, что маленькая девочка проведет несколько часов с двумя людьми, которые ее любят. Это нормально, Кэптен.

– Для нормальных людей – да, но мы не нормальные. Мы – Брейшо.

Отец смеется, его ладонь опускается на мое плечо.

– Тот факт, что это заставляет тебя задуматься, уже говорит достаточно. Но, Кэптен, Зоуи твоя навсегда, и ты можешь время от времени делиться ею с нами.

Я сдерживаю улыбку и просовываю голову внутрь машины.

– Мисс Мейбл.

– Мальчик мой. – Она улыбается, когда Зоуи хватает ее за руки и заставляет хлопать в ладоши.

Я тянусь, чтобы поцеловать Зоуи в щеку.

– Скоро увидимся, солнце мое, но я уже скучаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.